

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Николай ПОБЕРЕЖНИК

ЭРТА ПАДЕНИЕ ТЕРРАТОСА

У судьбы свои планы на того, кто воспитан для битв

Эрта

Николай Побережник

Падение терратоса

«Автор»

2015

Побережник Н.

Падение терратоса / Н. Побережник — «Автор», 2015 — (Эрта)

Череда загадочных происшествий продолжается. Герою удастся чудом выжить в кровавой бойне и лютой стуже предгорий, вернуться к друзьям и начать новую жизнь. Но у судьбы свои планы на будущее, и она не позволит потерять навыки и опыт тому, кто воспитан для битв. Случайный попутчик сначала прикроет спину в бою, затем станет лучшим другом. Стечение обстоятельств подтолкнет к новой и опасной службе. Пока одна часть граждан терратоса живет праздником прогресса и упивается властью денег, другая, затаив обиду, вынашивает планы революции. Люди заняты, но еще не чувствуют могильного холода и запаха смерти. Терратос катится в бездну забвения, и все громче и громче слышны барабаны войны...

© Побережник Н., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	29
Глава седьмая	35
Глава восьмая	40
Глава девятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Побережник

Падение терратоса

*«Вся военная пропаганда, все крики, ложь и ненависть, исходят
всегда от людей, которые на эту войну не пойдут»
Дж. Оруэл*

Глава первая

Полтора года экспедиции пролетели для Кинта незаметно. Только последняя пара месяцев даётся тяжело – зима. Прошлая зима была много мягче, да и экспедиция находилась южнее, а сейчас, лютый холод северных предгорий пробирается под одежду и заставляет кочевничать, да еще опять этот кашель мучает Кинта и совсем не дает житья... Профессор, несмотря на погруженность в исследования огромных масс грунта, обратил внимание на здоровье Кинта и распорядился – «давайте-ка любезный, прекращайте ваши разъезды, помогайте пока механикам-машинистам». Но еще неизвестно, что для Кинта было лучше – холод и ветер, пронизывающий до костей, или угольная взвесь в машинном отделении, хотя у машинистов все же тепло. Заодно и наука – огромная экспедиционная машина была весьма современна, а некоторые ее узлы и агрегаты, можно сказать, опережали время. Взять, к примеру, установку брикетирования угля с добавлением какой-то химии, что увеличивает теплоотдачу и время горения брикета вдвое, и на скреверах используют такое же топливо – брикетированный уголь.

Уже неделю экспедиция стоит лагерем на берегу небольшой реки, скованной льдом, что течет на юго-восток и впадает в океан. Недалеко, в полудне пути верхом, небольшой городок – Дастен, две шахты, бараки с каторжанами, казарма жандармерии, полсотни домишек и литейный цех, где льют медные чушки. Затем эти чушки на небольших платформах везут по железной дороге на юг... Юг, воспоминания о Родине – юге терратоса, бередили душу постоянно, особенно после прогулок вокруг разбитого лагеря экспедиции, по колено в снегу, выставляя сигнальные хлопушки – собственно, Кинт это и придумал, и выручавшие уже не раз. Лагерь теперь отличался от того, к которому привыкли профессор и студенты, для коней еще прошлой зимой придумали большую палатку-конюшню, главное – укрыть животных от ветра и хорошо накормить, палатку сооружали из жердей и нескольких рулонов грубой холщевой ткани, приобретенной еще позапрошлой осенью на побережье. Но профессор даже радовался этим изменениям... еще бы! Несколько раз конные разъезды предотвращали нападения кочевников, эти дикари создавали немало проблем в здешних местах, особенно после упразднения корпусов охраны дорог. Теперь кочевникам было раздолье – повозки торговцев, или просто путников, часто становились их добычей, дикари-людоеды обогащались, их собаки были сыты, и в их среде расползались слухи о безопасных и прибыльных рейдах по северу терратоса, а торговцы все чаще стали пользоваться железной дорогой или транспортными дирижаблями, на худой конец, нанималась охрана из не менее чем пары десятков вооруженных людей, за счет всего этого товары значительно вырастали в цене.

Пару раз за все время путешествия от побережья на север экспедицию посещал капитан Морес, инспектор тайной жандармерии, курирующий экспедицию. Кинт отметил, что за маской высокомерия и напыщенности, скрывается волевой, умный и честный человек. Оба визита Мореса в экспедицию тот приглашал Кинта провести с ним некоторое время за бокалом вина, или просто поболтать на смотровой площадке на политические, или околонуточные темы. С политикой, к слову, в терратосе все было гораздо хуже, чем с наукой. С тех пор, как парламент, состоящий из алчных представителей гильдий, взялся управлять терратосом, отправив семью монарха на южные острова, дела в терратосе идут все хуже и хуже. Гильдии «тянут на себя одею», занимаются таким новшеством, как внешняя политика, и совсем забыли о людях, простых гражданах терратоса. Каждый председатель городского совета в любом городе имел слишком много власти, в тоже время был сильно подвержен давлению со стороны представителей гильдий, но всем невозможно угождать, и так получалось, что в разных городах было разное влияние гильдий. К примеру, в Латинге хозяйничали представители гильдии торговой, а в Майнге и Актуре промышленники устанавливали свои порядки и правила, в том числе повышали местные налоги...

Сегодня день выдался хоть и морозным, но солнечным и безветренным. Проснувшись после обеда, Кинт поднялся на смотровую, где поднял ворот бушлата и, ежась от холода, оглядел окрестности в подозрную трубу. Вон и Крей с Волье возвращаются из разъезда, похоже, у Крея к седлу что-то привязано... точно, Кинт разглядел рога дикой козы. Вообще полны зверьем эти дикие места, и копытные, и хищник, да и заяц попадается. Природа не обделила эти предгорья разнообразием – и лугами на склонах, и лесом, и парой болотистых долин... есть, чем зверю кормиться и где растить потомство... Кинт перешел на другую сторону смотровой площадки и, облокотившись на ограждение, посмотрел на лагерь. Палатка конюшни, палатка лаборатории, из которой профессор Дакт и студенты выбираются только на сон и прием пищи, про последнее они и забыть могут, если не напомнить. Профессор, как одержимый, хочет закончить какие-то свои изыскания. На днях «выгрызли» из мерзлого грунта, чуть не угробив буровую установку, какие-то важные образцы породы и теперь профессор, кроме еды, позабыл и про сон. Странные они, эти люди науки... терратосу, в лице парламента, на них плевать в последнее время, а эти с горящими глазами ковыряются в комьях земли, забывая поесть, а порой и поспать.

Кинт снова приложился к подозрной трубе... Крей, размахивая рукой, что-то эмоционально рассказывает, а Волье участливо кивает. Кинт улыбнулся, он хорошо сдружился с Волье за время путешествия. Это немногословный, сильный и ловкий служака, отличный стрелок, возрастом на пять лет старше Кинта, но внешне очень молодо выглядящий.

– Ты моложе меня, а выглядишь старше, – сказал как-то Кишу Волье.

– Тебе надо провести некоторое время за перевалом северного хребта... нагонишь.

– Нет, спасибо, – ухмыльнулся Волье, – судя по твоим редким рассказам о твоей службе там, места там гиблые.

– Не знаю, – пожал он плечами, – люди живут.

А Крей, бывший сослуживец по дорожной жандармерии, при любом удобном случае напивается, метает о доме и какой-нибудь не сварливой и в меру красивой хранительнице очага и, если повезет, то и о паре ребятишек... он теперь не беден, золота хватит надолго, если с умом им распорядиться... К слову, золота досталось всем участникам экспедиции, не россыпи, но немало и может хватить на несколько лет жизни, если, опять же, тратить с умом.

– Профессор! – крикнул Кинт, – профессор! Крей и Волье возвращаются и, похоже, добыли мяса.

– Хорошо! – приглушенно раздалось из палатки, – вы занимайтесь, милейший, нам нужно еще немного времени и, думаю, нам будет, что отметить.

Кинт молча кивнул, перелез через леер и прошел по крыше до машинного.

– Викт, расколи брикет, пойду затоплю печь, на обед будет мясо.

– Мастер Кинт, – высунулся в небольшое техотверстие чумазый парень и протянул жестяную банку с колотым угольным брикетом, – вы осторожнее с этим, прогорит печь, и профессор нам с вами устроит.

– Не прогорит, я понемногу, – Кинт забрал банку и пошел обратно, по пути махнув подехавшим патрульным.

Кинт лишь успел спуститься в вагон и, зайдя в свое купе, снять бушлат, как на улице гулко бахнуло, заржали испуганные кони... Он метнулся к окну и увидел, как профессор, студенты и подоспевшие Волье и Крей с закопченными лицами и одеждой засыпают снегом угол горячей платки, в котором было несколько приличного размера прожженных дыр.

– Все живы, калек нет? – высунулся Кинт в окно.

– Получилось! Мы нашли! – профессор радостно загребал снег и кидал его, – Мы нашли его!

– Что нашли, профессор?

– Белый сланец! – профессор перестал швырять снег и повернулся к машине, с гордым видом уперев руки в бока, – это рывок! Кинт, милейший, вы не даже представляете, что произошло!

– Вы чуть не взорвали экспедиционную машину?

– Мы сделали открытие! Правда, реакция еще нестабильна, но это уже вопрос второстепенный!

– Я ничего не понимаю, профессор... это хорошо или плохо?

– Это великолепно, милейший! – радостно ответил профессор и, повернувшись к студентам, сказал, – потушили? Молодцы, теперь найдите образцы... их не должно было далеко отбросить, поместите образцы в контейнер и приберите здесь. На сегодня работы закончены. Дамы, займитесь уже обедом, а я телеграфировать в управление!

Профессор по утоптанной в снегу тропинке поспешил ко входу в машину, а Кинт, улыбуясь поведению профессора, закрыл окно.

Втроем тушку разделили быстро, дикая коза невелика размерами. Сделав вырезку мякоти, остальное порубили и уложили в деревянные ящики, уже приспособленные под это на смотровой площадке. После чего Крей отвез подальше от лагеря шкуру, завернутый в нее ливер и остальное, с чего уже не стали срезать мясо, – задобрить рысь, что ходит кругами уже не первую неделю и пугает лошадей. Затем, теснясь в купе-столовой, вся экспедиция уселась за стол.

– Коллеги, друзья... – профессор, светящийся, словно медные вентили в машинном, встал с бокалом в руке, – сегодня очень важный день, после которого, скорее всего, наше совместное путешествие закончится, но мы сделали то, ради чего все и задумывалось.

– Простите, профессор, а ради чего? – уже наткнув на вилку добрый кусок мяса и приготовившись закусывать, поинтересовался Крей.

– Катализатор! – Дакт потрянул рукой, немного расплескав вино, – я прочел о нем лет двадцать назад в библиотеке университета, точнее не конкретно о нем, а о некоем составе из определенных сланцевых пород, который наши предки, сотни лет назад, использовали для усиления реакции... эм... ну, не будем вдаваться в подробности. В общем, то, что все мои коллеги считали сказкой историков, в действительности существует! Я телеграфировал о результатах, которых мы достигли и сразу же, заметьте, сразу же получил ответ.

– И что ответили?

– Как всегда, ожидать курьера... они там, в столице, похоже, еще не поняли всего произошедшего, – важно ухмыльнулся профессор, – давайте же выпьем, друзья за это знаменательное для науки событие!

Спустя буквально полчаса праздничного обеда, профессор ударился в научные споры со студентами и в фантазии на тему перспективы сегодняшнего открытия, которые охране экспедиции и машинистам были, мягко говоря, скучны. Машинисты, прихватив бутылку и миску мяса, удалились к себе, а Кинт, Волье и Крей, одевшись потеплее, поднялись на смотровую, также прихватив выпивку и закуску.

– На юг поеду... – Крей развалившись на лавке, мечтательно смотрел в белую даль, – домой не буду возвращаться, а на юге, недалеко от столицы, куплю землю, посажу виноградники...

– Виноград на юге хорошо растет, солнечных дней много... только подальше от моря землю покупай, иначе туманы, что для винограда нехорошо, – ответил Кинт.

– Спасибо за совет, дружище, – кивнул Крей, – а ты, Волье, что будешь делать?

– Вернусь в столицу, а там уж как управление решит.

– Морес тебя к себе заберет.

– Думаешь? – Волье подлил вина.

– Да, он говорил как-то в прошлый раз, что ему не хватает помощников.

– Не знаю, – поморщился Волье, – тайная жандармерия, интриги, заговоры... не мое это.

– А ты Кинт?

– В Конинг поеду... кстати, отсюда недалеко, неделю, может полторы, если по берегу, а через перевал если, и того быстрее.

– А что там делать будешь?

– Неплохо получалось работать механиком, – пожал плечами Кинт, – места там хорошие... а может, как собирался мой приятель Дукэ, вложу деньги в морские перевозки.

– Да уж, с деньгами-то повезло... вот уж не думал, что рыться в земле полезно для кошелька, – сказал Крей, раскурил трубку и с наслаждением выдохнул, – под пули сколько подставлялся за гроши, а тут покопался в земле, и на тебе – состояние.

– Ну, ты не обольщайся, – сказал Волье, – самородное золото и песок ты только через финансового распорядителя в ратуше на монеты сможешь поменять, а уж он свою четверть откусит.

– А ювелирам?

– Они же тебя и сдадут... запрещено законом, понимаешь?

– Да знаю я, – с досадой ответил Крей.

– Тех трех четвертей, что у тебя останется, хватит и земли купить и дом построить, – похлопал Волье Крея по плечу, – так что не глупи и не жадничай.

Кинт закашлялся, хватанув на вдохе холодного воздуха и, промочив горло остатками вина, спустился в купе, которое он делил с Волье. Оставив друзей мечтать на смотровой площадке, засыпая, Кинт думал о том, как он уже привык к этим людям... профессор Дакт, студенты, вечно спорящие и вечно занятые своими опытами и разбором образцов пород. Конные разъезды с Волье и Креем, которые, честно сказать, друг друга лишь терпят, и только в такие моменты как сейчас, то есть, изрядно выпив, они могут нормально общаться.

Гул скревера разбудил рано утром, когда ночь уже отступила, а красный рассвет, обещающий морозный день, уже показался на востоке. Кинт быстро оделся и, когда гул стих, подошел к окну. Где-то совсем в глубинных, скрытых от всех своих надеждах, он желал увидеть лишь одного пилота... Но от скревера шел полный, будто шар, пилот, ежась от пронизывающего насквозь поднявшегося ветра... профессор и Волье его встречали. Кинт, ткнувшись лбом в толстое стекло, немного искажавшее то, что находится снаружи, наблюдал за гостем. Передавая контейнер и почтовый тубус для секретной почты, профессор пытался что-то еще говорить пилоту и вроде как приглашая к экспедиционной машине, но тот, вручив ему какие-то бумаги, попрощался и поспешил к скреверу. А затем снова гул и спустя несколько минут скревер уже не было видно в небе, по которому, словно караван, плыли облака, подгоняемые северным ветром.

– Какие новости, профессор? – Кинт вышел из уборной с полотенцем в руках.

– Кинт, милейший, капитан Морес передал вам персональное письмо... вот, держите, – профессор перебрал несколько запечатанных конвертов, достал самый маленький и протянул Кишу.

– Вы чем-то расстроены, профессор? – Кинт взял конверт и положил в карман.

– Финансирование экспедиции прекращено, нам приказано добраться до ближайшего города, где есть управление тайной жандармерии, и сдать им под охрану экспедиционную машину... а мы все, знаете ли, распущены, да.

– В смысле «распущены»?

– А вот как хотите, так и понимайте, – раздраженно ответил профессор, – новому парламенту наша экспедиция больше не нужна! На завтраке все обсудим, не опаздывайте.

Глава вторая

Дождавшись, когда все закончат с завтраком, дабы не портить аппетит, профессор прочитал вслух распоряжение научного департамента при парламенте, точнее, ту его часть, которая касалась всех участников экспедиции:

«...из соображений целесообразности и экономии средств, департаментом по науке при парламенте принято решение о прекращении экспедиции. Профессору Дакту, подготовить документацию и карты геологических исследований для передачи в архив университета. Капитану Волье, предпринять все меры безопасности для достижения ближайшего населенного пункта, на территории которого есть действующий отдел тайной жандармерии, и передать технику и материальные ценности. Участникам экспедиции выражается благодарность в виде выплат согласно табелю должностей».

– Значит что, все закончилось? – Крей почесал поросшую щетиной щеку.

– Да, все закончилось.

– А что там про выплаты? – снова поинтересовался Крей.

– С пилотом переданы средства для расчета, – ответил профессор, – по прибытии в... эм... Волье, что у нас ближе всего?

– Дастен, там и контора тайной жандармерии есть и железная дорога действует.

– Кстати, в распоряжении сказано, что завтра утром из этого вот Дастена прибудет инспектор тайной жандармерии для нашего сопровождения. Так что сегодня сворачиваем лагерь, я займусь документацией, а завтра с утра выезжаем.

– Пойду тогда я собираться, – Кинт встал из-за стола, – в Дастене предстоит озаботиться санными и купить еще одну лошадь.

– Все же в Конинг? – спросил Волье.

– Да, во всяком случае, до весны, а там видно будет.

День для участников экспедиции прошел в суматохе. Собирали лагерь, упаковывали оборудование и крепили все на первом этаже вагона. Профессор и студенты не вылезали из купе и готовили документы к архивации. Механики несколько раз запускали силовую установку и даже проехали несколько метров, проверив трансмиссию. Кинт тоже все уже упаковал и увязал... по большому счету, пожитков немного, ранец да походный баул, единственное, шкапулка с кошельками, набитыми монетами и самородным золотом теперь являлось очень ценным предметом, который он упаковал на дне ранца.

– В тепле поедешь, или с нами? – спросил Крей, загородив вход в купе.

– С вами, Борт уже обижается... куснул меня на днях... не сильно, вроде как характер показывает.

– Да, он у тебя с характером, – согласился Крей, – слушай, а может ты со мной, на юг?

– Нет, дружище... я боюсь ехать на юг, слишком много поводов у меня там для того, чтобы снова влипнуть в какую-нибудь историю, и вообще...

– Маани?

– И она... слушай, вот чего ты пришел? А?

– Эм... ты чего?

– Чего ты лезешь со своими расспросами? Какое тебе дело до Маани?

– Ты чего, Кинт? – отступил в коридор Крей, – чего ты завелся?

– А чего ты лезешь с дурацкими расспросами?

– Хорошо, – Крей выставил ладони, – ухожу... завтра не проспи в разъезд.

– Не просплю.

Как только Крей ушел, Кинт сел на кровать, расстегнул клапан ранца и достал трубку, громко сопя, повертел ее в руках, набил табаком и закурил. Как же порой достает Крей своей

простотой... Вот и теперь... Кинт всеми силами пытается задвинуть мысли о Маани, он уже смирился, почти успокоился, и тут этот бесшабашный Крей со своими расспросами...

– Окно-то открой, надымил, – скинув бушлат, Волье уселся рядом, – собрался?

– Да.

– Я с ребятами объехал все кругом, вроде спокойно.

– Это хорошо, значит, поедем верхом в колее от колес машины, все легче лошадям.

Ночь Кинт спал беспокойно, то и дело просыпался, вставал и шарахался по вагону. В очередной раз проснувшись, он потрогал радиатор парового отопления – еле теплый, в купе холодно, железная скорлупа машины быстро поглощает тепло и остывает.

– Бездельники, уснули, что ли? – Кинт начал одеваться, чтобы посетить машинное и отругать дежурного машиниста.

Уже привычными движениями Кинт натянул свою португую, пошитую умелым мастером, проверил оружие и накинуд бушлат.

– Ты куда? – открыл глаза Волье.

– В машинное схожу, совсем распоясались, чуешь, как холодно?

– Сходи, не пристрели только никого, – отвернувшись к стенке и укрывшись одеялом, ответил Волье.

Открыв люк на смотровую площадку, Кинт сразу втянул голову в плечи и задержал дыхание. Сильный ветер и холод, заставляющие проклинать природу в этом ее проявлении, не давали вдохнуть. Кинт, держась за поручни, добрался до машинного и пару раз долбанул сапогом в люк.

– Ты нас заморозить решил? – спросил он показавшегося в люке чумазого машиниста?

– Отсекатель заклинило, я ручную подачу пара регулирую....

– Плохо регулируешь, в вагоне холодно, сейчас профессор начнет зубами стучать и будет потом тебе с утра... а если конденсат перемерзнет?

– Мастер Кинт, стравите конденсат, пожалуйста, мне никак не отойти.

– Ладно... сейчас, смотри только, как давление спадет, сразу на первом контуре клапан открой.

– Хорошо...

Услышав приближающийся гул Кинт выбрался из машинного на смотровую и увидел приземлившийся скревер, прозрачный колпак откинулся, пилот вылез на крыло и помог выбраться пассажиру с увесистым баулом. Скревер поднялся в небо и направился на юг, а пассажир, приветственно вскинув руку, по колено утопая в снегу, направился к экспедиционной машине, подняв меховой воротник форменного пальто.

– Профессор, – Кинт открыл люк и громко крикнул, – похоже, прибыл сопровождающий инспектор.

– Да-да, спасибо, Кинт, я слышал.

Уже утро, вагон более – менее прогрелся, Кинт поставив в столовой на печь большой медный чайник, вернулся в свое купе.

– Все механики живы? – сел на кровати Волье.

– Угу, – Кинт положил ладони на радиатор, – вот, совсем другое дело... Кстати, окончание экспедиции, может, и верное решение, машина требует серьезного ремонта.

– Может, и верное, – согласился Волье, – я слышал скревер?

– Да, прибыл сопровождающий инспектор.

По корпусу вагона пошла мелкая вибрация, в стороне машинного что-то ухнуло, чихнуло, вибрация прекратилась, и стало доноситься размеренное пыхтение силовой установки.

– Ну вот, запустили... Идем, чайник вскипел уже, наверное, позавтракаем и седлать коней уже надо, да и конюшню разбирать еще, – сказал Кинт вставая.

– ... вот мастер-инспектор, здесь у нас жилой отсек вагона, – слышался голос профессора.

– Очень интересно, – ответил незнакомый голос.

– Идемте, расположитесь у меня в купе, а потом, если вам интересно, я попрошу старшего машиниста, и он проведет вам экскурсию.

– Очень интересно, но позже, сначала я должен опечатать архив.

– Конечно...

Дверь купе была приоткрыта, и они увидели, как по коридору в сопровождении профессора прошел высокий мужчина с баулом за спиной. Инспектор мельком заглянул в дверной проем, встретившись взглядом с Кинтом.

– Что там? – спросил Волье.

– Станный взгляд у этого инспектора.

– А у Мореса, что, не странный? – хмыкнул Волье.

– В том-то и дело, что Морес смотрит так, будто видит тебя насквозь, а у этого стеклянный какой-то взгляд, безразличный.

– То есть, не нравится он тебе?

– Ну, он не девица чтобы нравиться, но что-то...

– Идем завтракать, дел еще куча, – Волье подтолкнул Кинта в коридор, – ты свои-то глаза видел в зеркале?

– А что с ними не так?

– Все так, все так... идем уже, а?

Работы было действительно много. После завтрака вся команда охраны занималась лошадьми и разборкой конюшни. Профессор и его гость пару раз появлялись на смотровой, затем к ним присоединился старший машинист и повел инспектора на экскурсию.

– Волье, милейший, когда мы сможем двинуться в путь? Хотелось бы дотемна успеть в Дастен, – крикнул профессор со смотровой площадки.

– Через полчаса.

Профессор удовлетворенно кивнул и спустился вниз.

– Крей, ты прости, что я выверился на тебе вчера, – сказал Кинт, когда они вдвоем тащили длинный рулон ткани снятой с палатки-конюшни.

– Да ладно, сам виноват... знаю же что для тебя Маа... эм... это болезненная тема, в общем, и дернул же бес за язык.

– Ну да...

А через полчаса экспедиция тронулась в путь. Исполинская экспедиционная машина, выпуская клубы пара и шипя, словно проснувшийся дракон из древних легенд, уверенно катила по снегу, продавливая его огромными колесами, и оставляя приличную утрамбованную колею, по которой неторопливо ехали верхом Волье, Кинт и Крей. Двое других охранников ехали в вагоне, их время наступит через три часа.

Спустя пару часов пути машина, преодолев небольшую возвышенность, обогнув редкую рощицу, покотившись под горку, поехала чуть быстрее. Кинт обратил внимание, что на смотровой площадке показался инспектор, он приветливо помахал охране, осмотрел белые холмы, поросшие редким лесом и рощами в подзорную трубу... вдруг, со стороны силовой установки как-то заскрежетало, лязгнуло, машина замедлила ход и остановилась. Чего это они? – Удивился Крей.

– Похоже поломка, – ответил Кинт, – к тому все шло.

– А чего это он? – снова спросил Крей, показывая рукой на смотровую площадку.

Инспектор перелез через ограждение с небольшим саквояжем и побежал сначала по вагону, потом перескочил кабину механиков и, прыгнув в снег, умело кувыркнулся и побежал.

– Что-то происходит, – Кинт дернул из чехла из-за спины карабин и привстал в стремени.

– Крей, ну-ка догони этого инспектора, поинтересуйся...

Инспектор, пробежав еще несколько метров, рухнул в снег, а через пару секунд произошел взрыв... он был огромной силы, все, что успел увидеть Кинт, так это большой кусок обшивки вагона летящий прямо на него в сопровождении других, более меньших обломков железа, изуродованных взрывом...

– ...этого добей, – будто из тоннеля, откуда-то издалека донесся чей-то голос, еле различимый для Кинта.

Чуть слышно что-то шлепнуло, потом еще... Кинт тщетно пытался расслышать то, что происходит, но потом провалился в кромешную темноту. Он не мог понять, есть он, или его уже нет, жив или мертв, но понимание пришло чуть позже, когда все тело охватила дикая боль. Болело все – голова, живот, грудь. *«Значит, еще живой»* – подумал он и попытался пошевелить рукой и неожиданно для самого себя взвыл диким зверем от боли во всем теле и снова потерял сознание. Спустя какое-то время сознание снова вернулось, было темно и холодно, а еще было трудно дышать. Что-то тяжелое лежало на нем, Кинт снова попытался пошевелить рукой, что отдавалось болью, но уже терпимой. Стало понятно, что он лежит под снегом, придавленный уже заочевевшим трупом коня и куском обшивки.

– Ну-ка, – Кинт попытался грести снег руками, толкаться ногами, преодолевая боль, но привычка выходить в охранение с ранцем за спиной, а также карабин в чехле сыграли злую шутку – ранец за что-то зацепился и не давал вылезти. Нащупав на поясе нож, уже почти поддаваясь панике перед страхом задохнуться, часто и тяжело дыша, с трудом срезал лямки ранца и ремень чехла, и дело пошло. Гребя и отталкиваясь руками и ногами он, наконец-то, смог выбраться по грудь из завала, который вполне мог стать его могилой и сделал глубокий вдох, отозвавшийся пронизывающей болью в легких.

– Дьявол! Ммм... – поморщился от боли Кинт и стал осматриваться, потянув из кобуры револьвер.

Развороченной грудой искореженного железа предстал перед ним вагон экспедиционной машины, кругом разбросанные куски обшивки, узлы и агрегаты оборудования, что-то рядом горело. Посмотрев на небо, он понял по расположению солнца, что время примерно обеденное, стянув зубами перчатку, запустив руку под бушлат, достал часы и убедился, что верно определил время. Затем, вылез полностью на снег и, встав на четвереньки, попытался подняться... земля поехала в сторону и он рухнул на снег, снова испытав дикую боль, особенно в голове. Так, на четвереньках он и пополз, осматривая место трагедии... Никого, никого вокруг, только разбросанные части вагона и трупы, которые с большим трудом, но можно опознать – по одежде. У Крея не было головы и части плеча, словно кто-то гигантским палахом сёк, потом на глаза попалась конечность... чья-то рука и, судя по перстню, это одного из студентов. Кинт ползал на четвереньках вокруг развороченной машины, от тела к телу, или к частям тел. Волье был «целиком», и его точно добивали, размозжив голову. Кусок гнутой железяки лежал рядом. Расстегнув на трупе Волье пояс с кобурой, Кинт сел на колени, надел пояс поверх своего и медленно стал осматривать белую, искрящуюся на солнце и слепящую даль. Никого, только следы пары саней уходят в сторону леса.

– Так... согреться, найти что-нибудь поесть, – с трудом, опираясь на отломанную стойку штатива какого-то прибора, он встал и медленно, борясь с сильным головокружением и болью во всем теле, снова пошел вокруг машины. К слову, сильно пострадал только вагон, где инспектор вероятно и заложил все то, что было у него с собой в бауле, дабы уничтожить пассажиров одним ударом, кабина кочегаров и силовая установка не особо пострадали, чего не сказать об их обитателях – они были просто зарезаны как свиньи. Побродив около часа, собирая то

немногое, что удалось найти, Кинт, прихватив свой ранец и карабин, забрался в кабину машинистов, насобирал куски угольных брикетов, что не разметало взрывом и набил ими топку...

– От крышки топки будет тепло, уже не замерзну, – начал сам с собой разговаривать Кинт, прислушиваясь к своему приглушенному голосу, – сейчас перекушу, выпью немного настойки и утром, когда полегчает, отправлюсь в Дастен, дам телеграмму Моресу... Угу... Там меня и возьмут, вдруг эти инспекторы там все такие же? Такие же кто, заговорщики или просто бандиты?

Принимать окончательное решение относительно того, как действовать Кинт все же решил после, как выпится и согреется. Огня не видно, только дым из трубы, и его скоро не будет заметно, уже темнеет, и Кинта, если специально не искать, никто и не увидит вдалеке от дорог, за холмами, поросшими лесом. Допив из помятой медной фляги настойку, Кинт зарылся в собранное, местами обгоревшее тряпье и закрыл глаза.

Глава третья

Сон не шел, в голове шумело, тошнило, почему-то немела левая и рука и нога. Нет, холодно не было, от крышки топки грело хорошо, запах, правда... труба свернута взрывом и тяга не очень хорошая. Чтобы справиться с тошнотой, Кинт принял сидячее положение – так полегчало... из памяти всплыл момент, когда его везли на скрипучей провозке в степной корпус после стычки на посту. Да, ощущения схожие и очень знакомы, и в этот раз досталось посильней, но и Кинт уже не юноша, может, поэтому контузия переносится немного легче, правда, вот слышно плохо, и эта боль во всем теле, отдающаяся после любого движения. Постучал прикладом карабина по железной стенке, чтобы проверить слух – очень приглушенный звук. Наконец тошнить почти перестало и, положив на колени карабин, Кинт закрыл глаза, пытаясь вспомнить лицо этого инспектора, но бесполезно, какое-то «серое» лицо, не запоминающееся, а вот глаза, глаза он запомнил и узнает из сотни других глаз. А еще начала накачивать злость, аж до дрожи, до хруста в сжимаемых кулаках... злость на Волье, который, прежде чем позволить профессору пускать этого инспектора, должен был проверить его жетон, злость на себя самого. Ведь заподозрил что-то, почему не прислушался? Потому что расслабился и мозги заплыли жиром за время экспедиции... Так, коря и упрекая в случившемся себя в первую очередь, Кинт все же уснул, перед этим еще несколько раз открывая глаза и глядя через люк кочегарки на звезды в темном небе.

Проснулся Кинт от озноба, колотило так, что зуб на зуб не попадал. Топливо прогорело, собрав все куски раскрошившихся топливных брикетов, что еще оставались в развороченном взрывом железном ящике, закинул все в топку. Затем подгреб на себя тряпье и хотел, было, снова погрузиться в сон, но вдруг заметил мелькание света, который хорошо отражался от искрящегося наста. Плотней прижав дверцу топки, Кинт, сев на колени, прильнул к щели в покореженной обшивке кабины... Три собачьих упряжки остановились у взорванной машины, освещая все кругом дорожными фонарями, кочевники спрыгнули с саней, о чем-то поговорили, разожгли факелы и стали ходить кругами у машины, собирая все подряд и рассматривая. «Три... четыре... шесть... восемь» – посчитал Кинт про себя гостей, левой рукой попытался достать из-под мышки пистолет, но бросил эту затею – все еще онемевшая рука плохо слушалась и было непонятно, как крепко Кинт держит ей оружие. Хорошо, два револьвера справа в кобурах – двенадцать, плюс пистолет в правой же руке – еще восемь... расстояние такое, что почти рукой дотянуться можно... Кинт замер и почти не дышал.

Тем временем кочевники, радостно переговариваясь, занимались мародерством, вот один подобрал останки чьей-то ноги, что-то сказал, отчего все засмеялись, и бросил ногу собакам. Те сразу кинулись ее рвать. Кинт не слышал рыка животных, да и речь кочевников воспринималась как некое приглушенное бубнение... плохо, очень плохо. Вот двое из кочевников полезли на машину, что-то комментируя тем, что остались внизу, снова смех... вот, смех уже слышно, – все больше Кинт напрягал слух. Со стороны вагона, на который влезли двое, к собакам полетела еще одна конечность... что точно, не разобрать, но собакам понравилось, и они, жадно огрызаясь друг на друга, кинулись к очередной подачке. Те, что забрались на разрушенный взрывом остов вагона, приближались к кабине кочегарки... Кинт, зацепив целик за пояс, с силой протаскивал пистолет вниз, досылая патрон, затем сунул пистолет обратно, достал револьвер, взвел курок и попытался поудобнее сесть и занять позицию для стрельбы. Нога не слушалась, и Кинт зацепил ей какую-то железяку, которая предательски звякнула. Двое застыли на развороченном вагоне и начали светить фонарями кругом, вскинув оружие... все, медлить нельзя...

Сделав три выстрела и свалив ими только одного кочевника, Кинт закипая от злости на свое состояние, свалился на железный пол кочегарки, переполз в другой угол, выглянул

и разрядил револьвер во второго кочевника, тот дернулся, согнулся и, сорвавшись, полетел вниз. Сразу же по кочегарке заколотили выстрелы, по кабине шарили лучи фонарей. Кинт на четвереньках прополз в дыру в стене и спрятался в образовавшейся нише из покореженной обшивки.

– Там в кабине! Там кто-то есть, – крикнул кто-то хриплым голосом, совсем рядом, внизу, – Таш, идем со мной, проверим.

Кинт достал второй револьвер и тихо, не дыша взвел курок и согнулся так, чтобы заглянуть в щель снизу... Вот, двое, один остался внизу и светит фонарем, а второй полез на машину.

Бах! – тот, что стоял с фонарем обмяк и рухнул на снег... Бах! – тот, что карабкался на машину, полетел вниз, но Кинт в него не попал, тот просто испугался близко грохнувших выстрелов и, упав на железяку головой, отключился. Протискиваясь в темноте меж кусков искореженного металла, Кинт вылез из своего убежища, вернулся в кабину, забрал карабин и, перебравшись на металлический мостик, что идет вдоль топки, прополз по нему до конца, а потом прыгнул на снег и перекатился за переднее колесо. Тем временем четверо оставшихся кочевников отбежали к саням и, спрятавшись за ними, что-то крича, продолжали стрелять по кабине кочегарки. Кинт приложился к карабину, прицелился... «Дьявол!» – прошипел он, торчащие из-за саней головы кочевников в мохнатых шапках сливались, двоились... перед глазами все плыло, сделав глубокий вдох, затем выдох Кинт все же выстрелил, затем еще и сразу перекатился на другую сторону огромного колеса. Собаки одной из упряжек рванули в темноту, а один из кочевников прыгнул на другие сани и, что-то выкрикивая, заставил собак двинуться с места, второй хотел присоединиться к нему, но грохнул выстрел, затем второй, третий...

Сани понесли мертвого погонщика в заснеженную темноту. Кинт хотел пристрелить пришедшего в себя стонущего кочевника, но посмотрел на сани и, передумав, связал, отвесил ему увесистую оплеуху и с оружием наготове подошел к оставшимся саням, собаки в упряжке начали скалиться и рычать...

– Порычите мне! – Кинт сам рыкнул как зверь и пнул одну из собак, та заскулила, остальные притихли и, прижимая уши, стали провожать взглядом нового хозяина. Кинт на всякий случай привязал сани веревкой к большому куску обшивки вагона, затем, обойдя место скоротечного боя с фонарем в руках, собрал трофеи, потом забрал свои вещи и тоже сложил их на сани, также нашелся ранец Крея. При свете трех горящих факелов картина была угнетающая – ночь, развороченная взрывом экспедиционная машина, трупы, пятна крови на снегу, мусор, куски обшивки... Кинт стоял среди всего этого и шарил фонарем в надежде найти еще что-либо нужное, а три его тени зловеще плясали на снегу.

Кинт сидел в санях, забравшись под вонючие шкуры и обложившись трофейным оружием. Кочевник, погоняющий собак, периодически оборачивался и зло смотрел на своего пассажира.

– Что, не случилось самому быть добычей? – спросил Кинт и посмотрел вокруг, на окружающую их заснеженную целину, – имя есть у тебя?

– Зачем тебе мое имя? Все равно ведь, когда закончится путь, ты меня убьешь.

– Не хочешь как хочешь, – хмыкнул Кинт, – тогда буду называть тебя «вонючка». И почему тут все так воняет?

Кочевник ничего не ответил и смотрел вперед. Сани уже далеко уехали от места взрыва, Кинт посмотрел на небо и сощурился, зимнее солнце было очень ярким и, отражаясь от снега, нещадно било по глазам.

– Собак надо кормить, и дать им отдохнуть, – повернулся Вонючка, – иначе далеко не уедем.

– Вон в ту рощу сворачивай, там остановимся, – ответил Кинт, указав стволом карабина на холм невдалеке, – как раз время обедать.

Но полноценно пообедать не получилось, не смог Кинт ничего в себя запихнуть толком, после того как посмотрел на кормление собак. Вонючка, со связанными ногами, прошелся вдоль упряжки и извлекая из мешка куски мороженного мяса раздал его собакам, а куски эти еще на рассвете были целыми кочевниками, хоть и мертвыми, разделку которых Кинт поручил Вонючке. Кишу пришлось довольствоваться лишь куском сыра и сухой лепешкой, запив это все каким-то некрепким алкоголем из трофеев. Вонючка же отсутствием аппетита не страдал и уплетал некое жирное месиво из котелка с закопченным дном, что был в мешке с провиантом в саях. И собаки, расправившись с едой, чутко дремали, свернувшись на снегу и прижавшись друг к другу.

Оглядывая редкие деревца вокруг небольшой поляны, Кинт вспомнил про письмо от капитана Мореса, что передал пилот скревера профессору, покопался в кармане и достал помятый конверт...

«Здравствуйте, Кинт, времени мало, пилота, что отправляют к вам, удалось перехватить в последний момент, поэтому в двух словах – после получения сообщения о вашей находке, меня сразу отстранили от курирования экспедиции. Слышал что все материалы, переписки и карты сразу передали в архив тайной жандармерии, а вам приказано свернуть экспедицию. У меня плохие предчувствия, учитывая политическую обстановку в терратосе и грызню между гильдиями. Берегите себя, Кинт, будьте внимательны. И еще, если не найдете себе применения, то такие люди, как вы и Волге мне быгодились в работе.

Морес».

– Да уж, – вздохнул Кинт, убрал конверт и еще раз огляделся кругом, – Ну что, Вонючка, пора ехать.

– Мне бы... – кочевник морщился и держался за живот.

– Приспичило, что ли?

– Угу...

– Чудак, наелся помоев, теперь живот у него скрутило... иди, только без глупостей, не дальше того куста вороньей ягоды.

– А ноги? – кочевник соскочил с саней, показав на веревки.

– Так дойдешь... давай уже, иди, а то передумаю и в штаны будешь гадить, хотя, чую, вашему брату и это не впервой.

Часто переступая, от деревца к деревцу кочевник побрел к кусту, где остановился и присел...

– Ачи! Ачи! – громко крикнул кочевник из кустов, а потом еще и пронзительно свистнул.

Собаки рванули сани так, что Кинт чуть не слетел, и понесли, набирая скорость. Мимо мелькали стволы деревьев и кустарник, сани подпрыгивали на кочках... не имея ни малейшего понятия, как остановить собак, Кинт перепробовал все и кричал, тянул и дергал толстую веревку, к которой были привязаны восемь больших и лохматых собак. Несколько раз сани бились по касательной о стволы деревьев, подпрыгивали на запавших снегом корнях, пару раз что-то хрустнуло в конструкции саней. Наконец-то упряжка вырвалась из рощи и понесла через целину к другому холму, на котором начинался плотный хвойный лес, который просматривался до самого горизонта. А собаки словно взбесились, и несли сани к какой-то ведомой только им цели. Кинт нашел самый простой способ в данной ситуации – он достал пистолет и начал стрелять по собакам... единственная оставшаяся собака, рычала, скулила и пыталась волоочь сани.

– Как взбесились, твари, – сказал Кинт и пристрелил последнюю собаку.

Облегченно выдохнув, Кинт сел на край саней, огляделся и перезарядил оружие.

– Вот же Вонючка! – сплюнув на снег Кинт закашлялся.

Выходка кочевника для Кинта стала загадкой, хотя, быть может, он заметил в роще какой-то знак, который кочевники оставляют друг другу, а может просто думал, что таким образом удастся скинуть Кинта с саней, а потом... а потом неизвестно что, в общем, непонятно, что на уме было у Вонючки. Как бы там ни было, идти искать кочевника, проваливаясь по колено в глубокий снег, в роще на холме в паре тысяч шагов, не было ни малейшего желания, до леса гораздо ближе идти. Поднявшись, достал из ранца подозрную трубу и осмотрел весь горизонт вокруг – никого, только белое заснеженное безмолвие. Решив, что сидеть посреди белой степи мишенью плохая мысль, он пытался волоочь сани кочевников, но это оказалось плохой идеей – слишком тяжелы, тогда он стал собираться. Спустя час он уже достиг окраины леса, волоча за собой на веревке замотанные в шкуры ранцы, свой и Крея, оружие и еще кое-что из трофеев... в сложившейся ситуации, лучшим трофеем оказались плетеные из веток приспособления, которые привязал к сапогам – идти по снегу, не проваливаясь, стало много легче. Пройдя еще немного вглубь леса, решил остановиться и все же поесть горячего, мороз крепчал и это еще не вечер, а ночью будет того холоднее. Найдя неплохое место за поваленным стволом старого дерева, наломал сушняка, развел костер и, плотно набив котелок снегом, поставил его на огонь, а пока растопится, можно соорудить нечто вроде саней для своего «багажа».

Бросив в кипящую воду куски порезанного вяленого мяса из запасов Крея и горсть крупы, Кинт, еще немного повозившись, изготовил из срубленных жердей нечто среднее между волокушей и санями и принялся за ревизию. Высыпав на шкуру содержимое ранца Крея, Кинт переместил в него все из своего ранца, ляжки которого он испортил, выбираясь из-под снега. В ранце Крея обнаружились припасы еды на сутки, кое-какая медицина, патроны, в общем, все то, что обычно брал с собой жандарм дорожной стражи на суточное патрулирование, ну и собственно казна Крея – деревянная шкатулка с монетами и самородным золотом.

Кинт шел по лесу до тех пор, пока не появился риск остаться без глаз, то есть выколоть их ветками в темноте. Был с собой масляный фонарь, но зажигать его ночью небезопасно. Присыпав снегом свой груз, Кинт забрался на дерево, прихватив карабин, пару шкур и веревку, обвязавшись которой он неплохо устроился на толстой ветке в трех метрах над землей и, согревшись под шкурами, уже не обращая внимания на вонь от них, уснул.

Глава четвертая

Проснулся на рассвете, сразу же, как только солнце чуть поднялось над горизонтом и тронуло веки первыми лучами сквозь ветви деревьев. Крепко сжав карабин, Кинт открыл глаза и огляделся – никого, только чириканье и посвистывание ранних лесных птиц начинало распространяться по лесу. Спина и ноги затекли, да и левая рука еще не очень хорошо слушается. Сжал кулак, онемение еще ощущается, хоть уже не тошнит и не кружится голова, но в целом чувствуется, что состояние поганое. Распутав узлы, Кинт начал спускаться, но не удержался и с забористой бранью полетел вниз, где распластался, прислушиваясь к лесу. С трудом поднявшись на ноги, некоторое время еще постоял, ожидая постороннего в лесу звука, но ничего – дикие места. На торчащем из-под снега плоском валуне развел огонь, и повторил вчерашний обед, то есть, жидкую кашу с вяленным мясом. Позавтракав и наблюдая, как две черные белки подбираются к выплеснутым у ствола дерева остаткам каши, выкурил трубку, вспоминая куски карты, что он видел у профессора, затем обвязал вокруг пояса веревку и двинулся дальше, на север. Если все правильно запомнил, и если сохранить темп, то к вечеру завтрашнего дня будет река, параллельно которой идет старая дорога, а параллельно ей проложена железная дорога, та самая, что ведет в Конинг.

Кинт шел весь день, сделав лишь пару привалов, чтобы немного отдохнуть. Лес становился плотнее, деревья толще и выше, а звуки, доносившиеся из леса, больше пугали и заставляли настораживаться. Вспоминая юношеские приключения на волчьем промысле, Кинт все меньше хотел встречаться с хищниками на одной тропе, из-за этого он даже потратил некоторое время, чтобы достать из ранца пехотный револьвер, перезарядить его и уже с ним за поясом продолжить путь. Начало смеркаться и Кинт приступил к поиском подходящего места для ночлега. Но, заметив заячьи следы у кустарника с объединенными стеблями, тут же сделал несколько силков и, расставив их по тропе, уже в темноте доел остатки сыра и, завернувшись в шкуры, уснул у поваленного ветром старого дерева, периодически пугая ночной лес своим кашлем, отчего просыпаясь, сам испуганно прислушивался к ночным звукам, отбиться от стаи волков в одиночку нет никакого шанса, а волчьи следы попадались...

Раннее утро и запах зажаренного зайца. Кинт то и дело тыкал ножом в тушку, отодвигая мясо и проверяя готово ли, но голод взял свое, и он, не дождавшись полной готовности, обжигаясь, начал рвать зубами тушку, при этом озираясь по сторонам и косясь на прислоненный к стволу дерева карабин. Но вдруг Кинт услышал гудок паровоза, далеко, а еще и эхо – звук гудка разносился лесу, отражаясь от стволов деревьев и затихая в чаще. Кинт замер, впившись зубами в заячью ногу и прислушиваясь – пусть далеко, но уже радует, что не ошибся в направлении и память не подвела. Завернув половину заячьей тушки в нательную рубаху из чистого сменного белья и сунув сверток в ранец, Кинт поднялся и продолжил путь.

Лес кончился неожиданно, настолько, что Кинт еле удержался, чтобы не слететь вниз, с обрывистого берега широкой реки. Усевшись в сугроб, Кинт достал подзорную трубу и осмотрел открывшуюся перед ним картину – широкая, больше сотни шагов река, скованная льдом, за ней пологий берег, потом дорога, на которой, почти у горизонта, виднеется пост корпуса охраны дорог, а дальше небольшая насыпь железнодорожного полотна. И река, и дорога, и железнодорожное полотно повторяли друг друга, пролегая по узкой долине.

– Заночую на посту, – сказал Кинт, и порадовался, что слух к нему вернулся, свой голос он услышал уже привычным, а не как в предыдущие несколько дней, будто сквозь вату. Осторожно спустившись с обрывистого берега, Кинт почти бежал к посту, он боялся не успеть дотемна, но напрасно, на закате он уже разводил огонь на выложенным много лет назад кострище из камня.

– Если я правильно помню, то состав прибывает в Конинг раз в неделю, – вслух размышлял Кинт, устроившись на деревянной лежанке, почерневшей от времени, – звук паровоза я слышал вчера, значит ждать еще шесть дней.

Идти пешком у Кинта не было уже ни сил, не желания и он решил дожидаться транспорта, то есть, идущего в Конинг состава. Дрова в посту были, дорога старого тракта не расчищена и на ней нет никаких следов, значит, его никто не побеспокоит. Северо-восток, тут так, на зиму жизнь замирает, лишь производство, связанное с деревообработкой заставляет гонять в Конинг составы с грузовыми платформами, а заодно один или два пассажирских вагона. Выставив у кострища все припасы, Кинт прикинул, что неделю он вполне продержится, только бы кочевники не побеспокоили. Кинт потянул с волокуши связанное веревкой трофейное оружие – три винтовки и один многозарядный кавалерийский карабин. Винтовки однозарядные, зарядив каждую, Кинт приставил их к каменной кладке поста, кавалерийский карабин, выдавший виды и с запасом патронов в двадцать штук тоже был приготовлен, и свое оружие Кинт неоднократно проверил. Уже стемнело и, раскидав угли, Кинт снова завернулся в шкуры, подложил под голову ранец и закрыл глаза.

Наутро Кинта разбудил паровозный гудок, он доносился с востока, то есть со стороны Конинга.

– Интересно, – Кинт присел на колени и приложился к подзорной трубе, – значит, теперь составы ходят чаще...

Состав из пяти грузовых платформ, груженных лесом, и одного пассажирского вагона на приличной скорости пронесся мимо поста, точнее, почти в тысяче шагов от него.

– И как я на него попаду? – сказал вслух Кинт, отложил подзорную трубу, оглядел окрестности и стал раздувать угли.

Позавтракав, снова прильнул к подзорной трубе. Чуть восточнее поста, железная дорога проходила по краю небольшой рощицы и план созрел – ждать состав в той роще, устроив завал на путях.

К вечеру Кинт изрядно умотался, рубя палашом ствол дерева, чтобы он упал на пути. Устроив лежанку рядом с насыпью полотна в плотном кустарнике, Кинт увязал все свои пожитки – ранец, и большой баул. Теперь осталось дожидаться состава, когда он притормозит и можно будет забраться на платформу. Ждать пришлось до утра следующего дня, и Кинт чуть не проспал, из сна его резко вырвали шипение пара и крики людей, убирающих ствол дерева с путей. Моментально проснувшись и приняв вертикальное положение, усевшись на колени, Кинт выглянул из-за куста и, увидев, что пути свободны, а паровоз, пыхтя, начинает движение, накинул ранец, схватил баул и, не успевая нацепить снегоступы, утопая в снегу по колено, высоко поднимая ноги, побежал к насыпи. Состав разогнался и Кинт тоже прибавил скорость, мышцы на ногах мгновенно забились, начала кружиться голова и Кинт, собрав всю волю, все остатки сил, сделал решающий рывок. На последнюю платформу, груженную углем, полетел сначала баул, а потом и Кинт, тяжело дыша, он перевалился через невысокий борт платформы и распластался на куче угля, с облегчением выдохнув и закрыв глаза. Так он пролежал до тех пор, пока холод от кучи угля не начал подбираться к костям. Отвязав от баула скрутку из двух шкур, Кинт более-менее разгреб кучу, улегся теперь уже поудобнее и уснул.

– Эй, ты! – кто-то бесцеремонно пихнул Кинта в спину и послышался звук взведения курка, – а ну, вылезай!

Кинт сел, соображая и фокусируя взгляд на двух фигурах возвышающихся над ним.

– Не, это не кочевник, – сказал высокий мужчина в форме городского, который уже прибрал к рукам чехол с карабином и направил на Кинта револьвер.

– Парень, ты откуда взялся тут? – спросил второй, полный мужчина, судя по мундиру, машинист, – беглый что ли? С каторги?

Кинт откинул шкуру и двое сразу отступили, увидев два пояса с револьверами и пистолет, заткнутый за голенище сапога. Городовой, попятившись, чуть не поскользнулся на куче угля.

– Я оплачу проезд, – сказал Кинт, снял перчатку, достал кошелек, выудил из него золотой и протянул машинисту, – достаточно?

– Более чем, – хапнул монету машинист и косясь на арсенал Кинта добавил, – тогда у меня к тебе нет вопросов парень.

– У меня есть... давай, сбрасывай весь свой арсенал и пойдем, побеседуем.

Кинт осмотрелся и улыбнулся, наконец-то увидев знакомые места – маленькое депо, лесопилка, внизу у замерзшей бухты, повторяя изгибы береговой линии, расположился городок Конинг.

– Давай так, я сейчас сначала в «Пятое колесо» к Дукэ, отосплюсь, приведу себя в порядок, а завтра с утра сам к вам зайду, договорились?

– Эм...

– Управление жандармерии в ратуше?

– Да...

– Вот мой жетон гражданина, – Кинт расстегнул ворот бушлата и потянул шнурок на шее, – я не кочевник, не беглый... просто попал переделку.

Городовой подошел ближе, убирая в кобуру револьвер и посмотрел на жетон.

– Кинт Акан, – прочитал городской, – что ж, парень, тогда я тебя сам провожу к Дукэ и попрошу его присмотреть за тобой до завтра.

– Уж в этом я не сомневаюсь, – Кинт сбросил на перрон ранец и баул, следом прыгнул и сам, – он присмотрит.

Тут у Кинта закружилась голова, он пошатнулся и схватился за платформу.

– Ты чего?

– Потрепало немного и устал...

– До станции дойдешь? Там, наверное, еще не все сани разъехались.

– Дойду, – Кинт надел ранец, подхватил баул и протянул руку за карабином.

– Да я понесу, – сказал городской, – пошли.

Кинт, городской и машинист пошли по перрону, дойдя до кирпичного пакгауза с почтовым отделением и телеграфом Кинт остановился.

– Телеграф работает?

– Да, – кивнул городской.

– Я зайду.

– В таком-то виде?

Кинт подошел к оконному стеклу почтовой конторы и посмотрел на свое отражение.

– Ладно, завтра.

У станции стояли единственные сани, возница, опершись на оглоблю, гладил лошадь по гриве и наблюдал за представительного вида мужчиной в длинном пальто почти до пят, меховой шапке и эмоционально размахивающим тростью, он спорил о чем-то с проводником вагона.

– Я пойду, пожалуй, – сказал машинист и направился к спорящим.

– Маар, ты свободен? – окрикнул городской возницу.

Маар повернулся и ответил:

– Как сказать, Шарт, жду, когда вон тот господин, наговорится уже и, может быть, соизволит поехать куда-нибудь.

– Я соизволю быстрей, – Кинт опустил баул на сани, – цена та же, пара медяков?

– Угу, – Маар скептически осмотрел потенциального пассажира, вонючего, грязного, заросшего, в разодранном и прожженном в нескольких местах бушлате, но вооруженным, словно на войну собравшийся.

– Что, думаешь? Могу сверху еще пару медяков добавить за испачканную накидку, – Кинт положил на сани ранец, повернулся к Маару и подошел ближе.

По лицу Маара медленно поползла улыбка, он даже чуть присел от удивления.

– Кинт! Ты что, из плена кочевников сбежал? – Маар сделал шаг навстречу и шибанул протезом по плечу Кинта, выбив при этом угольную пыль, – а я ведь говорил Дукэ, что ты вернешься!

Кинт поморщился и зашипел.

– Ох, прости, ты ранен? Давай полезай в сани.

– Так вы знакомы? – подал голос городской.

– Еще бы! А откуда ты его привел?

– С угольной платформы сняли с машинистом. Так что, доставишь его к Дукэ?

– Доставлю, Шарт, не волнуйся.

– Хорошо, – городской бросил к баулу карабин и сказал Кинту, – тогда я не поеду с вами, раз у машиниста к тебе нет претензий, а Маар и Дукэ тебя знают, то и у меня в принципе тоже... только вот я инспектору обязан доложить, а у него могут возникнуть вопросы.

– Будут вопросы, найдет меня у Дукэ, – ответил Кинт.

– Ты не в розыске? – повернулся к Кинту Маар, когда сани уже катили с горки в сторону города.

– Нет, Маар, с законом у меня уже давно нет проблем... но вот мое появление здесь не хотелось бы предавать огласке, и еще, сейчас приедем, я напишу записку, а ты вернись, пожалуйста, на станцию, и дай телеграмму в столицу, все точь-в-точь как записке.

– Кинт, дружище! – хмыкнул Маар, – не меняешься, у тебя опять проблемы?

– Очень может быть, вот это я и хочу выяснить.

– Ничего, если с законом все нормально, то на счет остальных проблем – забудь. Мы тут их по-свойски решим.

– Боюсь, не получится, забыть, – улыбнулся Кинт и устроился поудобнее в санях, – на дорогу смотри, прохожих передавишь.

Вечерело, окна центральной улицы Конинга светились теплым желтым светом, уже зажгли фонари. Кинт облегченно вздохнул и улыбнулся, Конинг, зимний Конинг – никто никуда не спешит, половина мужского населения на охоте, другая половина просиживает у Дукэ, или в другом питейной заведении. Тишина и покой, только весной, когда придут сезонные рабочие, город оживет, а сейчас он в зимней спячке. «Самое лучшее место и время пересидеть и все обдумать» – подумал Кинт и задремал.

– А ну, бездельники, похватали вещи с саней и несите в комнату! – сквозь дремоту услышал Кинт знакомый голос.

Кинт открыл глаза, сани уже стояли у «Пятого колеса», а от рестораника спешит Дукэ, подгоняя своих племянников.

– Ох... – поморщился Дукэ, – ты что, из преисподней?

– Почти, – улыбнулся Кинт, выбрался из саней и протянул руку Дукэ, – ну, здравствуй.

– Здравствуй, – не брезгуя, Дукэ крепко обнял Кинта, – как же я рад, что ты вернулся! И Маар сказал, что у тебя теперь все нормально с законом?

– Да, Дукэ, все нормально... я тоже очень рад тебя видеть.

– Эх! – Дукэ хлопнул в ладоши и растер, – тогда сегодня на ужин оленина! И я хочу услышать твою историю, с момента, как мы с тобой попрощались. Что-то мне подсказывает, что будет очень интересно ее услышать.

– Я не знаю, чего я хочу больше, есть, спать или отмыться...

– Понятно, тогда так – сначала приводи себя в порядок, потом отправлю одного из бездельников к тебе с ужином, он принесет... поешь и ложись, вид у тебя, конечно... А оленина и рассказы, значит, на завтра.

- Да, такой вариант меня больше устраивает, на ужин бы похлебки какой пожирней, – устало улыбнулся Кинт, – и вот еще, мне бы одежду чистую.
- Идем... все сделаем сейчас, кстати, твоя комната свободна.

Глава пятая

– Кинт... Кинт, я ужин принес, – Мок, рыжий парень, один из племянников Дукэ, осторожно толкал в плечо задремавшего в кресле после ванны Кинта.

– Угу... Спасибо, Мок, – Кинт проснулся и встал, кутаясь в чистую простынь, он перешел к столику у окна и посмотрев на Мока сказал, – вот ты вымахал-то!

– Ну... я не очень, а вот Гани, он вообще отъелся, – скромно улыбнулся Мок, – с кухни же не вылезает, а я у дядюшки Дукэ так, на побегушках... принеси, подай, сходи...

– Ага, и «бездельники» ваше второе имя, – засмеялся Кинт, – куда бы он без вас, старый ворчун?

– Ой! Я это, совсем забыл... Сейчас одежду принесу.

– Да, пожалуйста, а то прохладно в простыне.

Горячая и жирная похлебка на баранине с добрыми кусками мяса перекочевала из большой миски в желудок Кинта с невероятной скоростью. И теперь, отхлебывая ароматный травяной чай, Кинт отогрел небольшой участок на замерзшем стекле окна, рассматривал улицу. Уже поздний вечер, вдоль улицы горят редкие газовые фонари, почти нет прохожих. У коновязи пара оседланных коней и, похоже, сани Маара. Закончив ужин, Кинт прошлепал босыми ногами по полу, на котором лежала шкура пещерника – здоровой хищной зверюги, обитающей в основном в горах, но зимой, в поисках добычи, спускающейся в леса предгорий. В углу лежали сваленные в кучу и источающие ужасный запах одежда и снаряжение. Кинт присел, и стал проверять, не осталось ли что в карманах. Отбросив на кресло два пояса с револьверами, портупею с двумя пистолетами и магазинами к ним, штык, палаш и нож, Кинт завернул всю свою одежду в бушлат.

В дверь пару раз постучали, она приоткрылась и показалась рыжая шевелюра Мока.

– Вот, одежду дядюшка передал.

– Спасибо, на кресло положи, и скажи, прачка еще действует?

– Да.

– Отнесешь?

– Конечно.

Переодевшись в чистое нательное белье, Кинт задул лампу, сунул один из пистолетов под подушку, залез под одеяло и даже застонал от удовольствия, всем телом ощутив тепло домашнего уюта.

Грохот с улицы совпал со скрипом двери, Кинт вскочил, смачно лязгнув затвор...

– Да, парень, – покачал головой Дукэ, – смотрю, нервы ни к черту у тебя.

От неожиданной побудки и резких движений у Кинта закружилась голова, он опустился на постель, отложив пистолет.

– Доброе утро, Дукэ.

– Обед уже, – Дукэ присел на мощный деревянный табурет, – смотрю, и со здоровьем у тебя тоже нелады.

– Последствия контузии...

– Ого! Где это угораздило?

– Долго рассказывать.

– Я не тороплюсь... но вот Маар вчера по твоей просьбе телеграмму дал, а сегодня с утра прибежал взмыленный инспектор с двумя жандармами и назвал тебя господином Аканом...

– Чего? – надел штаны Кинт и начал наматывать чистые портянки.

– Ага, – хмыкнул Дукэ, – он распоряжение из столицы получил, что-то вроде сдвух с тебя пылинки, охранять и ждать прибытия важного чина из тайной жандармерии, какого-то капитана по имени Морес. Знаешь такого?

– Знаю, – Кинт влез в толстый шерстяной свитер с воротником под горло, поверх португею с двумя пистолетами и овчинную безрукавку сверху, – и очень рад, что именно Морес прибудет... когда, кстати?

– Завтра с утра, или к обеду... как погода будет. Ну что, обедать? Оленина уже почти готова.

– Идем, нормальной еды неделю не ел.

Кинт в сопровождении Дукэ вышли в ресторанчик. Посетителей было немного, среди них инспектор жандармерии, он сидел за столиком у окна, за соседним столиком сидели двое напряженных жандармов. Увидев Кинта, инспектор встал и, набрав воздуха в легкие, хотел было открыть рот, но Кинт приложил к губам указательный палец, и кивком пригласил его присесть за стойку.

– Господин Кинт Акан, – негромко начал инспектор, – я получил распоряжение организовать вашу охрану.

– А я вас помню, – улыбнулся Кинт, принимая от Дукэ тарелку с двумя ароматными кусками мяса.

– Мы встречались?

– Да, один раз, но вы меня вряд ли запомнили.

– Пойдите... – задумался инспектор, – Кинт Акан! Точно! Я получал документы о прекращении вашего розыска по ложному обвинению. А еще вы ускользнули из Конинга прямо у меня под носом.

– Точно, – кивнул Кинт, отхватил ножом кусок мяса и отправил его в рот, а прожевав, добавил, – насчет охраны, если уж вы получили такое распоряжение, то ее не должно быть видно, и те двое жандармов за столом пусть переоденутся и не таращатся так на меня.

– Хорошо, я сейчас распоряжусь, а пока их нет, сам побуду с вами, – ответил инспектор.

– Тогда присаживайтесь за свободный столик инспектор, Гани сейчас принесет вам обед, – сказал Дукэ.

Сидя за стойкой, Дукэ и Кинт молча пообедали, потом упитанный юноша по имени Гани, второй племянник Дукэ, поставил на стойку две высоких глиняных кружки с пивом.

– Ну что, я готов слушать, – Дукэ стер пену от пива с усов и косясь на Кинта, стал набивать трубку.

– Тогда слушай...

Рассказ был долгим и подробным, Кинт и Дукэ переместились в подсобку, куда Гани уже три раза приносил по паре пива. Кинт, конечно, упустил многие неприятные для него самого подробности, так же не проронил ни слова о Маани. Но в целом Дукэ устроила история Кинта, он догадывался, что многое не договорено, но уточнять не стал...

– Да уж, помотало тебя, дружище, – Дукэ отпил пива и, улыбнувшись, добавил, – а еще ты везучий сукин сын!

– Не без этого, – так же улыбнувшись, ответил Кинт, – а еще если бы не друзья, то на одном везении я бы не выкарабкался.

Из зала донесся шум и разговоры на повышенных тонах, Дукэ и Кинт выглянули из подсобки...

– Дукэ! Ты где, мерзавец? Где ты прячешь моего мальчика! – старик Ллодэ стоял посреди ресторана, в шубе с высоким воротником, опираясь на трость и размахивая зажатой в руке шапкой, рядом стоял Маар, и, увидев Кинта, виновато улыбнулся и пожал своими широкими плечищами.

– Он уже давно не мальчик, Ллодэ, – Дукэ вышел и пригласил его в подсобку вместе с Мааром, – и хватит уже кричать, переволнуешься, и опять тебя удар хватит. Мок, помоги Ллодэ раздеться.

– Мужчина! – старый вояка сначала тряс Кинта за плечи, рассматривая его лицо, а потом крепко обнял, – я так рад тебя видеть, сынок!

– Я тоже рад, Ллодэ, – ответил Кинт, – ну, присаживайтесь, выпьем за встречу.

– Он приехал на станцию за посылками, – пояснил Маар, кивнув на Ллодэ, – заболтался с городовым, а тот ему и рассказал о некоем Кинте, который прибыл на угольной платформе в город и которого я увез к тебе. Так он чуть трость об меня сломал...

– И сломал бы! – буркнул Ллодэ, – два раза мы с тобой вчера виделись, а ты не сказал же мне ничего стервец!

– Ллодэ, это я попросил Маара не особо распространяться о моем появлении в городе.

– Так Маар сказал, что тебя оправдали по всем тем обвинениям и больше не ищут.

– Не уверен... Теперь меня могут искать по другой причине.

– По какой же?

– Наверное, потому что остался жив и много знаю.

– Ну, значит, ты все такой же Кинт, – улыбнулся Ллодэ, – все приключения ищешь.

– Скорее, они меня. Что ж, за встречу! – Кинт поднял кружку.

Ужин затянулся. В ресторане, кроме двух переодетых жандармов, играющих за столиком у двери в кости и собственно Ллодэ, Маара, Кинта и Дукэ, больше никого не было. На Конинг опустилась северная, холодная ночь и поднялась метель, наметая новые сугробы в и так укрытом толстым снежным одеялом городке.

– А что с твоей задумкой по поводу барж и организации перевозки грузов морем? – поинтересовался Кинт у Дукэ.

– Пока никак... Позапрошлую зиму на промысел не ходил, не было напарника, в прошлую не так удачно поохотился и взял мало шкур, а в эту зиму не пошел, надо было ремонт делать в заведении. Нет, сбережения кое-какие, конечно, есть, Маар вот в долю просится и готов вложиться, но все равно, аренда пристани, строительство конторы и покупка хотя бы двух барж, даже не новых, это большая сумма.

– А меня возьмешь в долю? – Кинт посмотрел на Дукэ, – много не хватает для начала?

– Кинт, ты пьян, – рассмеялся Дукэ, – сейчас еще начнешь уговаривать нас ограбить почтовый вагон.

– Не понял?

– Знаешь, сынок, – начал Ллодэ, – мне Бар присылал пару писем... Ну я вот с Дукэ поделился тем, что в них написано.

– Да, не очень я с ним хорошо расстался, – вздохнул Кинт, – он меня не понял, я погорячился.

– Да нет... я не считаю, что ты погорячился, – ответил Ллодэ, – подонки не должны осквернять Эрту своим присутствием на ней...

– Их слишком много, Ллодэ, – Кинт сдал набивать трубку, – а человеческая жизнь ничего не стоит, особенно если ты не аристократического происхождения.

– Так что, значит, грабим почтовый вагон, – шепотом, пригнувшись к столу и как-то нехорошо улыбаясь, спросил Маар.

– Точно! И племянников Дукэ обязательно в банду возьмем, – улыбнулся Кинт, отложил трубку и поднялся из-за стола, – подождите, я сейчас...

Вернувшись за стол через несколько минут, Кинт бросил на колени Дукэ два увесистых кожаных кошелька, сел и раскурил трубку.

– В одном кошельке триста монет золотом, в другом самородное золото, его можно сдать в ратушу и за четверть комиссионных обратить в монеты. Так что, возьмешь в долю? И сразу хочу пресечь все мысли, которые вон у Маара на лице написаны, это честные деньги, я неплохо зарабатывал последние полтора года.

– Кинт, это же состояние, – Дукэ взвесил в руках кошельки, – ты уверен?

– Да. И спрячь получше.

Дукэ в ответ кивнул и удалился в подсобку, где был лаз в большой погреб, а когда вернулся, Кинт спросил:

– Теперь хватит?

– Думаю, да, – Дукэ от такого поворота даже протрезвел, – так ты все, в Конинг вернулся окончательно?

– Не уверен... заниматься железками и паровыми установками у меня получается гораздо хуже, чем стрелять, да и климат в Конинге, где половина года зима, не для моих легких.

– Дышать угольной взвесью в большом городе на юге... не знаю, это уж точно не для здоровья легких, – сказал Ллодэ.

– Простывать мне точно нельзя, еще не известно, каким боком неделя скитаний по предгорьям вылезет. Да и знаю я пару городов, где не так активно развита промышленность... все больше торговля.

– Гильдия торгашей, даже мне пришлось вступить... и теперь второй год, кроме налогов приходится платить еще и взносы им, – скривился Ллодэ. Его глаза уже были немного прикрыты и он, подперев голову рукой, смотрел куда-то в одну точку.

– Ладно, отвезу старого вояку, – поднялся из-за стола Маар, которому то количество алкоголя, что он выпил, не пошло впрок абсолютно, разве что улыбался все время.

Вернувшись к себе в комнату, Кинт моментально заснул, даже разговоры за дверью двух жандармов, что переместились из ресторана и продолжили играть в кости, сидя на двух табуретах рядом с бочонком у стены, никак не могли его побеспокоить.

На следующий день, проснувшись с рассветом, умывшись и одевшись, Кинт вышел из комнаты и обнаружил инспектора сидящего на табурете и изучающего волокна такни на рукаве своего форменного пальто.

– Доброе утро, – встал с табурета инспектор.

– Доброе, – кивнул Кинт.

– Ребят отпустил спать, штат небольшой у нас...

– Понимаю. Составите компанию за завтраком? И я хочу посетить пару заведений в городе, до прибытия капитана Мореса.

– Метель не унимается, не думаю, что сегодня он прилетит.

– Мне в любом случае надо купить одежды.

– Хорошо, я на санях, так что, уж извините, вам от меня до приезда капитана не отделаться.

– Что ж, идемте завтракать, и как мне вас назвать, Инспектор?

– Да, меня так все и называют, просто инспектор, а вообще, мое имя Талд.

За завтраком Дукэ наклонился над стойкой и спросил еще раз на ухо у Кинта, уверен ли он в том, что вложил большую сумму денег в долю.

– Уверен, Дукэ, распоряжайся, я все равно в этом ничего не соображаю, а деньги, считаю, нужно вложить во что-то стоящее, – ответил Кинт, – и вот еще, мне бы верхней одежды, хочу по магазинам да салонам вот в сопровождении инспектора проехать.

– Найду.

Молодая гнедая кобылка резво тянула сани по главной улице Конинга, выпуская клубы пара из ноздрей, Кинт, развалившись в санях и кутаясь в шубу, смотрел на замерший в снежной сказке и завьюженный городок. У различных заведений и магазинчиков хозяева или прислуга уже активно размахивали лопатами, расчищая дорожки для посетителей, которых вряд ли будет много, их и так почти не бывает зимой, а в такую погоду шансы что-то продать, ничтожно малы. Только хозяин бакалейной лавки, что недалеко от пристани имеет, постоянный доход в любую погоду.

– Ну вот, теперь весь легион вдовушек Конинга выстроится в очередь, – цирюльник снял с лица Кинта горячее полотенце и, словно художник на картину, посмотрел на клиента, чуть отойдя назад, – ароматной водой сбрызнуть?

– Только немного.

Кинт приподнялся в кресле и посмотрелся в зеркало.

– Сколько с меня?

– Пара кестов серебром.

Кинт решил сбрызнуть всю растительность с лица, так как ему казалось, что запах шкур из саней кочевников до сих пор преследует его.

– Наверное, лет десять, как не бывало, – сказал инспектор, сидящий за небольшим столиком у окна и попивающий ароматный чай, а потом будто вспомнил что-то и полез в карман, – кстати! Вот держите... на память.

Кинт взял протянутый инспектором сложенный вчетверо и прилично измятый лист бумаги, развернул...

– Нет, все же не похож, – улыбнулся Кинт, – но все равно спасибо.

– О небеса! – цирюльник из любопытства заглянул через плечо Кинта и посмотрел на розыскной листок.

– Не беспокойтесь, это была ошибка типографии столичной жандармерии, – поднялся со стула инспектор и надел шапку, – спасибо за чай.

– Вот, держите, – Кинт протянул монеты цирюльнику и, одеваясь, обратился к инспектору, – ну, теперь можно и возвращаться в «Пятое колесо».

Глава шестая

Кинт сложил свертки и тюки с покупками на сани и уселся сам, подняв воротник и поглубже натянув шапку, метель действительно и не собиралась униматься и швыряла колючие снежинки в лицо.

– Поехали, инспектор Талд, а то уж время обеда прошло, а Дукэ не любит разогревать еду.

– Да, – инспектор взялся за вожжи, – не любит...

Подъезжая к «Пятому колесу» Кинт заметил у коновязи несколько саней, четырех коней и двух жандармов на веранде ресторана.

– Давай, инспектор, проезжай мимо, – пододвинулся Кинт к нему, – езжай к лавке Ллодэ.

– Что такое?

– Езжай... потом, – прошипел Кинт и сунул руку под шубу, нащупав рукоять пистолета.

Сани, не сбавляя скорости, проехали мимо заведения Дукэ, а двое вооруженных людей у входа проводили их взглядом. Спустя пять минут сани остановились у оружейной лавки.

– Что? – повернулся Талд.

– Много саней у коновязи, вооруженные люди у входа.

– А, это... мне тоже показалось странным.

Дверь лавки приоткрылась, щурясь от задуваемых в глаза снега, Ллодэ попытался рассмотреть гостей.

– Это вы, инспектор?

– Да, Ллодэ, это мы, – Кинт стрёб с саней все свои покупки, – пустишь?

– Ох, тебя и не узнать, – Ллодэ широко открыл дверь, впуская гостей.

– И что делать? – немного растерянно спросил инспектор, когда закрыл за собой дверь.

– В общем, так, езжайте к Дукэ, инспектор, выясните, что за люди и возвращайтесь.

– Объяснит мне кто-нибудь что происходит? – оперся на трость Ллодэ.

– Нужно просто проверить кое-что, а пока инспектор ездит, я вот патронов куплю.

Инспектор уехал, а Кинт снял шубу и шапку и прошел к витрине с патронами, затем достал магазин из подсумка, выщелкнул патрон и поставил на стекло.

– Таких что, нет?

– Эх-хе-хе, это же военный калибр, нам он тут на что, да и дорогие они, никто их тут не будет покупать, – Ллодэ покопался в коробках под прилавком и достал две пачки из промасленной толстой бумаги, перетянутой бечевкой, – вот, Бар еще позапрошлым летом присылал на пробу... так никто и не интересовался с тех пор. Убрал с витрины, чтобы место не занимали.

– Я куплю их, сейчас еще револьверных гляну.

– Смотри, смотри... а мне дай-ка посмотреть то, куда это заряжается, – Ллодэ постучал пальцем по магазину в руке Кинта.

– Вот, – Кинт достал пистолет, извлек магазин, потянул затвор и, убедившись в отсутствии патрона в патроннике, рукоятью вперед протянул пистолет Ллодэ.

– Да, – качал головой Ллодэ, внимательно рассматривая оружие, – прогресс никак не остановить, я читал про новинки оружейные, но вот в руках в первый раз держу. И как?

– Отлично, – ответил Кинт и оттянул полу безрукавки, демонстрируя еще один такой же пистолет, – шестнадцать патронов огневой мощи, перезарядка быстрее, чем у револьвера и в точности не уступает.

– Нарезной... – Ллодэ сообразил, как оттянуть затвор и посмотрел в ствол, а потом вернул пистолет Кинту, – на, держи, это не для этих мест оружие... дороговато.

– Да, согласен, недешев, но стоит своих денег.

– Помяни мое слово, сынок, оставался бы ты жить тут, – Ллодэ с какой-то грустью в глазах посмотрел на Кинта, – опять ведь вляпаешься во что-нибудь. В больших городах сейчас

неспокойно, все эти распри меж гильдиями, рабочие в какие-то там ячейки, или как они их там называют, объединяются, саботажи на заводах устраивают... глупцы, думают, этим они заставят платить им большее жалование.

– Ллодэ, я обязательно буду приезжать, летом... как часто, не знаю, но постараюсь.

С улицы, кроме завывающего в штaketнике веранды ветра, донеслось бряканье упряжи и фыркание. Кинт быстро вставил магазин, достал патрон и, повернувшись к двери, завел руку с пистолетом за спину. Дверь распахнулась и вошел инспектор.

– Значит так, прибыл капитан Морес, на паровозе из Дастена, по такой погоде долететь смог только туда, он сейчас в ратуше... В «Пятом колесе» тайная жандармерия, все спокойно, двое верхом меня сопровождают.

– Из Дастена?

– Да.

– На паровозе?

– Да.

– Вы жетоны хоть у одного из тех жандармов посмотрели?

– Эм... жетоны?

– Да, у каждого сотрудника тайной жандармерии есть жетон, вам ведь известно, как он выглядит?

– Понятно. Сопровождают, значит?

– Да.

– Пригласите их сюда, инспектор.

– А...

– Пригласите, – улыбнулся Кинт, – скажите, что нам надо помочь загрузить на сани покупки.

Инспектор вышел.

– Ллодэ, как войдут, берите их на мушку, – сказал Кинт, в его руках уже было по пистолету, а он перебежал в небольшую нишу у входа.

– Ты уверен?

– Да!

– Как это понимать, Ллодэ? – сказал инспектор, а двое здоровяков вошедших следом, потянулись к кобурам.

– Руки! – Кинт вышел из-за ниши и закрыл засов двери, – да нет, инспектор, вам не надо, разоружите их.

– Кинт, но...

– Делайте же, инспектор! – рявкнул Кинт.

Оружие жандармов перекочевало к инспектору.

– Теперь оба, лбами уперлись в стену, руки за спину! Ноги шире и дальше от стены... еще... дернитесь – стреляю. Инспектор, а теперь соизвольте проверить их жетоны.

Вдруг тот, кто стоял ближе к прилавку, резко «ссыпался» вниз и, прячась за Талда, выставил руку в сторону Кинта...

Бах! – из рукава жандарма что-то выстрелило, но Кинт уже валился на пол, выстрелив два раза между ног инспектора, и прострелив бедро стрелявшего.

Ба-бах! – грохнуло как из пушки, это Ллодэ зарядом картечи из короткого охотничьего карабина свалил наповал второго жандарма. Кинт шустро кувыркнулся к жандарму с «секретом в рукаве» который уже упал на пол, схватившись за бедро, рыча и скалясь от боли. Шмяк! – сильным, ударом в висок Кинт отправил противника в забытие...

Одежда на обоих жандармах была расстегнута, не оказалось у них никаких жетонов, как и форменной одежды, кроме штанов и пальто. На них не было даже жетонов гражданина.

В рукаве стрелявшего обнаружился маленький, с коротким стволом, однозарядный, но крупного калибра пистолет, закрепленный на предплечье системой ремней.

– Сколько их там еще у Дукэ? – Кинт стоял у окна и смотрел на улицу.

– Эм... – на инспекторе не было лица, он весь бледный, смотрел не отрываясь на убитого, – д-д-двое на улице, и внутри... еще пятеро. А! н-нет, шестеро.

– Стойте у окна, инспектор, следите за улицей, а я пока побеседую с этим фокусником.

– Похоже, ты убил его, Кинт, – Ллодэ склонился над раненым в ногу жандармом, – он синее уже, Кинт... ты ему голову проломил!

– Дьявол! Инспектор, соберите всех ваших людей, только тихо и спокойно, поезжайте в ратушу и арестуйте этого «капитана», только прошу, внимательно, инспектор, сразу валите его на пол и вяжите! Это не жандармы, инспектор, это наемники, причем очень, очень хорошие наемники и матерые убийцы. Поняли меня?

– П-понял...

– Да приди же в себя, Талд!

– А эти? – инспектор кивнул на тела на полу.

– Эти, уж поверь, никуда не уйдут, – Ллодэ зло ухмыльнулся, надевая пояс с кобурой, и потом обратился к Кишу, – ну что, сынок, пойдем, возьмем за жабры этих хороших, черт бы их побрал, наемников?

– Ллодэ, спасибо, конечно, но это не ваша война.

– Эти говнюки приехали в мой город, пришли в мою лавку, стреляли в моего друга и это не моя война? Нет уж, сынок! Это моя лавка! Мой город и я не потерплю здесь каких-то наемников, черт бы их побрал!

– Хорошо, только давайте спокойно и без эмоций...

Метель понемногу успокаивалась, лишь у земли поземкой скручивая в замысловатые спирали снега. На веранде «Пятого колеса» двое вооруженных карабинами жандармов, приплясывали от холода, подняв воротники форменных пальто. Из-за домов вышел, кутаясь в шубу, старик. Опираясь на трость, он, проклиная погоду, направлялся к заведению Дукэ.

– А что это у нас тут случилось, молодые люди? – спросил старик, поднявшись на веранду и обстукивая тростью полы шубы от снега.

– Ничего страшного, уважаемый, просто охрана важной персоны.

– Что, – старик приподнял шапку и приставил руку к обезображенному уху, – подойдите ближе, пожалуйста...

Один из жандармов подошел к старику и наклонился, чтобы повторить свою фразу. Второй же жандарм стоял и смотрел на напарника и ухмылялся тому, что ему не приходится утруждаться общению с глухим стариком... Вдруг, глухой стук, хруст кости и жандарм увидел, как у него из груди вылез наконечник трехгранного штыка. Уже поплывшим и мутнеющим взглядом, он успел заметить, как старик резко выпрямился, его трость разделилась, и тонкий клинок пробил горло его разговорчивого друга.

– Спрячься здесь, у стены, – прошептал Кинт Ллодэ, – бей наповал всех в такой форме, кто будет выбегать из дверей.

Ллодэ кивнул, достал револьвер и отступил к стене вглубь веранды, а Кинт, скинув шубу, сжал в руках пистолеты и махнул через низкий забор, отделяющий двор от конюшни.

Кинт вошел со стороны кухни. Толстый Гани, что-то весело насвистывая, переворачивал куски мяса над решеткой с углями. Насвистывал он, к слову, очень музыкально и, вероятно, благодаря хорошему слуху, повернулся к Кинту...

– Чшшш, – Кинт приставил ствол к губам, – это я Кинт, продолжай свистеть...

Гани замер на несколько секунд, потом кивнул и продолжил свое насвистывание.

– Оружие есть?

Продолжая насвистывать, Гани кивнул на висящий на стене карабин.

– Сколько жандармов внутри?

Гани нарисовал вилкой цифру «семь» на закопченной стене у очага.

– Продолжай свистеть, возьми карабин и готовься стрелять через окошко раздачи в любого, кто будет целиться в того, кого ты знаешь, тем более в Дукэ, понял?

Насвистывая, Гани подошел к стене и снял карабин.

«Сообразительный малый» – подумал Кинт и подошел к вешалке, сунул за пояс пистолеты, надел замызганный фартук и спросил Гани:

– Кому мясо подавать?

– Тем двум жандармам у стойки, – быстро сказал Гани и снова засвистел.

Кинт перебрал на столе подносы, выбрал самый тяжелый, медный, поставил на него две тарелки с порциями мяса, и соусник, в который налил кипящего масла из противня, где тушились овощи. В фартуке и с подносом в руках Кинт уверенно вышел в зал. Дукэ, завидев Кинта в таком виде, немало удивился. У него сначала поползла вверх бровь, но потом он справился с эмоциями и передвинулся ближе к месту у стойки, где под столешницей у него был припрятан револьвер. Оглядев зал, Кинт «посчитал» всех жандармов, кроме них, в зале сидел Маар, играя в кости с одним из ряженных.

– Ну, ты и артист, Кинт! – тоже увидев Кинта, Маар расплылся в улыбке.

Так уже было несколько раз с Кинтом – время словно замедлялось, или ему просто так казалось и он всего лишь мог быстро двигаться. Масло из соусницы было выплеснуто в лицо ближайшего жандарма, второй, сидящий рядом, получил ребром тяжелого подноса по переносице...

– Это наемники! – заорал Кинт и, достав оружие, метнулся к Дукэ, на ходу выстрелив несколько раз в двоих у стойки свалив их наповал. Маар сообразил, в чем дело и тяжелый латунный протез буквально сплющил лицо жандарма напротив. Один из жандармов метнулся к двери и даже успел выскочить на веранду, но грохнул выстрел и он рухнул у порога, оставался один и он... застрелился. Из такого же пистолета в рукаве.

Помещение наполнилось запахом пороха и крови, и телами «жандармов». Тот, кого приложил Маар, тоже скончался... одним ударом Маар не обошелся и воткнул ему в шею нож. Двоих наемников, что остались живы, то есть того, с обожженным лицом, и второго, с перебитым носом, лицо которого налилось огромным синяком и распухло, раздели до исподнего, связали и бросили у двери.

– Ничего, – сказал Кинт, обыскав покойников, – ни жетонов гражданина, ни, тем более, жетонов тайной жандармерии, только оружие, патроны и горсть монет...

– Я заподозрил неладное, когда инспектор вернулся без тебя и говорил с одним из них, – Дукэ кивнул на того, которого зашиб Маар, – но подумал, что ты сам решишь, как действовать.

– И что будем делать?

– Инспектор поехал в ратушу, арестовывать этого капитана, – сказал Кинт.

Дверь распахнулась, и вошел Ллодэ.

– Со стороны ратуши стрельба, похоже, инспектору нужна помощь.

– Ллодэ, присмотри тогда здесь, – сказал Дукэ, а мы к ратуше.

Кинт сбегал в комнату, схватил карабин и пояс с подсумками, а спустя пару минут он, Дукэ и Маар уже неслись на санях по главной улице к ратуше. Но помощь инспектору пришла с другой стороны, сразу из нескольких окон домов рядом с ратушей стали палить по тем, в кого стрелял инспектор и трое его подчиненных. На небольшой площади лежали три тела, чуть дальше стояли сани, лошадь была убита, а укрывшись за санями, отстреливались двое наемников. Но недолго, кто-то из горожан меткими выстрелами умелого охотника свалил сначала одного, а через мгновение второго.

Как и следовало ожидать, среди четырех трупов не обнаружилось никакого Мореса, а вот тот самый «мастер-инспектор», что прибыл в экспедицию и устроил грандиозный взрыв, при-

существовал среди мертвых. Из жандармов инспектора Талда погибли двое. Все трупы также обыскали и ничего не обнаружили, кроме оружия.

– А что это тут, – спросил толстый мужчина, подошедший на площадь с длинной однозарядной винтовкой в руках.

– Приветствую, Тар, – поднял руку Дукэ, – это ты тех, за санями?

– Ну да, – ответил толстяк, – так, а что, не надо было?

– Очень надо, – улыбнулся Дукэ.

– Так я и слышу, стреляют почти под окнами, ну, выглянул, смотрю, а наш инспектор и наши городовые жандармы стреляют в других жандармов... ну наши-то жандармы – это наши жандармы, а те другие, значит, что?

– Что?

– Значит не наши, тем более двое наших жандармов уже убитые вон лежали, ну я и взял свою «малышку», да и...

– Спасибо, Тар, – кивнул инспектор, его трясло, и он сжимал в руках револьвер.

– Инспектор, вы бы револьвер в кобуру убрали, не то отстрелите себе или кому другому чего, – обратил внимание на инспектора Маар.

Трупы перетащили в подвал ратуши, потом инспектор пошел докладывать о случившемся председателю городского совета, который, как только началась стрельба, закрылся у себя дома и долго не хотел открывать, так как видел, что Талд и его жандармы перестреляли людей из тайной жандармерии. Все остальные участники перестрелки поехали в «Пятое колесо».

– Видишь, как происходит, Дукэ?

– Как?

Дукэ, Кинт, Ллодэ и Маар сидели за столом, рядом с которым валялась куча оружия наемников, неплохого, к слову, оружия, а за окном уже опустилась ночь.

– А вот так, уезжать мне нужно... Не хочу, чтобы в дорогом мне Конинге были подобные неприятности.

– Да разве это неприятности, – хмыкнул Ллодэ, – помнишь, Дукэ, как на пристани контрабандисты напали... сколько их было?

– Да помню... так на трех баржах приехали, человек сто их было.

– Сто восемь, – Ллодэ поднял указательный палец.

– И что? – спросил Кинт.

– Знатная была охота, – улыбнулся Маар, у меня еще рука была целая... Перестреляли их всех, как зайцев, вот так как Тар сегодня – из окон.

– Сам-то что думаешь об этом, обо всем? – спросил Дукэ Кинта.

– Даже и не знаю уже... Или все телеграммы к Моресу перехватывают, или... нет, не знаю.

– Извини, конечно, а почему ты так доверяешь этому своему Моресу, не допускаешь, что это он послал всех этих наемников?

– Ага, и одежкой их снабдил, – кивнул Маар.

– Если это так, то...

– Ладно, тебе надо поспать, – похлопал Дукэ Кинта по плечу, а мы тут пока подумаем...

– Это что? Со стороны станции? – сказал Гани, который подошел к столу и принес чайник с травяным чаем.

– Паровоз? Ночью? – насупился Дукэ, – да, дружище Кинт, если это снова по твою душу...

– Предлагаю переместиться ко мне в лавку, патронов много, стена до окон каменная, – предложил Ллодэ.

– Маар, съезди-ка к станции...

– Понял, я мигом.

Схватив шубу и шапку с крючка у входа, Маар вышел на улицу...

– Еще состав из Дастена, пять пассажирских вагонов, жандармов – тьма, на перроне не помещаются – Маар, запыхавшись, словно он сам был запряжен в сани, ввалился спустя полчаса, – строятся там на станции, ими командует длинный такой усатый, как таракан, в таком же пальто, как у этих. Уже начали спускаться в город.

– А вот этот, который как «таракан», очень похож на Мореса, – сказал Кинт.

– Тогда подождем...

Дверь открылась и вошел инспектор Талд.

– Там... этот, Морес... я это, жетон проверил, но сначала все равно решил предупредить.

– Маар, будь добр, привези его сюда, а то начнут сейчас людей будить, город прочесывать, я и так уже ощущаю себя одной большой неприятностью... не хочется людей беспокоить, – вздохнул Кинт.

– Как скажешь, – улыбнулся Маар, сейчас доставим твоего Мореса.

Глава седьмая

Появление капитана Мореса в «Пятом колесе» произошло как-то обыденно, он спокойно вошел в сопровождении... Кинта несколько удивило, что Мореса сопровождали два жандарма тюремного корпуса. Капитан сдержанно, несколько раз кивнул всем присутствующим и, медленно снимая перчатки, осмотрел помещение. Груда оружия у столика, за которым сидели Кинт, Ллодэ и Дукэ... несколько кровавых пятен на деревянном полу, уже многократно покрытом лаком, рыжеволосый парень, который пытается смыть кровь... в дальнем углу двое, связанные, в нательном белье и с изрядно попорченными лицами. Сообразительный Гани подошел к капитану.

– Вам подать горячего травяного чая?

– Было бы очень кстати, – ответил Морес, подошел к столу с боевой троицей и еще раз осмотрел помещение, – скажу откровенно, Кинт, я не ждал вас увидеть живым.

– С чего это? – возмутился Ллодэ и грозно посмотрел на Мореса.

– Это, – Морес кивнул на двоих пленных в углу, – дикое исключение из правил, я стал-киваюсь с этой эм... группой, точнее, с последствиями их действий, уже не первый раз, и скажу вам, что только в третий раз вижу их трупы и в первый раз вижу плененных.

– Пффф, – хмыкнул Ллодэ, – такие же, как и все, из кожи, костей и дерьма... и умирают одинаково.

Кинт, как только вошел Морес, смотрел на него не отрываясь, пытался поймать прямой взгляд, что-то увидеть в его глазах... понять... Наконец, Морес повернулся к Кинту и встретился с ним глазами.

– Но я очень рад, что вы живы, Кинт, – сказал Морес, чуть улыбнулся своими тараканьими усами и протянул руку Кинту.

Кинт встал, пожал руку Моресу и ответил:

– Я тоже рад, что пока еще жив, а вот рад ли я нашей встрече, не знаю, еще не понял... И вообще, у меня накопилось очень много вопросов к вам, капитан.

– Аналогично, Кинт.

– Ваш чай, господин капитан, – Гани поставил поднос на стол.

Морес кивком поблагодарил Гани, а потом, безошибочно определив хозяина заведения, поинтересовался у Дукэ:

– У вас тут есть отдельное помещение, где мы сможем поговорить с Кинтом без возможности быть подслушанными?

– Если только в погребе...

– Значит, в погребе... Пару минут, Кинт.

Капитан за несколько глотков выпил чашку горячего, почти как кипяток чая, расстегнул пару верхних пуговиц пальто, затем пару на воротнике-стойке форменного камзола.

– Проводите нас в погреб.

– Я знаю, где это, – ответил Кинт и, встав, направился в подсобку, – идемте, капитан.

– Этих двоих заковать и на станцию, поместить в разные вагоны, мешки на голову...

Пить, есть не давать, не разговаривать с ними, – на ходу сказал Морес одному из жандармов.

– Слушаюсь!

Кинт открыл лаз в подвал, снял с крючка на стене подсобки лампу, зажег ее и, спустившись в погреб, повесил на толстую балку. Морес спустился следом и, осмотревшись, присел на небольшой бочонок, предварительно смахнув с него перчатками пыль.

– Спрашивайте, Кинт.

– Та записка, что вы передали с пилотом... что вы имели в виду? К сожалению, я прочитал ее слишком поздно.

– Я и сейчас затрудняюсь с ответом. В тайной жандармерии происходит много странного в последнее время. Как только мне передали телеграмму от профессора, я сразу же направился в научный департамент и доложил, после чего, дождался письменного приказа, на основании которого составил ответ.

– Да... дождаться инспектора из Дастена?

– Нет, про Дастен там не было ни слова.

Морес наизусть повторил телеграмму, про то, как все опечатать, прибыть в ближайший город и передать технику.

– А скревер с посыльным?

– Это еще предстоит выяснить... либо это инициатива научного департамента, либо... – Морес посмотрел на Кинта с каким-то сожалением, – либо это была параллельная игра профессора, и он телеграфировал кому-то еще, кто, в свою очередь, и прислал скревер с посыльным. К вашему сведению, Кинт, в Дастене, управление тайной жандармерии представляет из себя пыльный кабинет в ратуше, старика дознавателя и жандарма... который уже арестован.

– Да уж... Но вы же на паровозе прибыли из Дастена?

– Верно.

– А отправились вы после моей телеграммы?

– Да, получил телеграмму, сразу отправил в жандармерию Конинга распоряжение и вылетел. По пути пилот скревера снизился, и мы облетели место взрыва, но начала портиться погода, пришлось изменить курс и лететь в Дастен.

– Значит, кто-то еще читает ваши телеграммы, раз эти наемники оказались так хорошо осведомлены.

– К сожалению, приходится это признать. И я очень удивился, обнаружив у дежурного по станции Дастен распоряжение на мое имя и, согласно которому, я уже выехал в Конинг... пришлось действовать, мне пришлось мобилизовать сотню жандармов тюремного корпуса, чтобы поставить на уши Дастен, все выяснить и потом уже отправиться сюда, отменив пассажирский рейс в столицу.

– Знаете, капитан, я ведь и в вас начал сомневаться...

– Правильно, все очень сложно, Кинт... в терратосе появилась еще какая-то третья сила, помимо гильдий, точнее, ее присутствие просматривается давно, но вот такими явными выходами они проявляются уже не первый раз за последний год.

– И кто же эти «они»?

– Честно? Не знаю, очень мало материала, с которым можно поработать. Одно ясно, это не гильдии, не преступный синдикат, хотя наемники у них первоклассные. Возможно, это проявление подрывной деятельности соседнего терратоса.

– И не живется же людям спокойно... – вздохнул Кинт.

– Теперь расскажите мне все подробно, не упуская никаких мелочей, с того самого момента, как был получен прототип катализатора.

Неторопливо набивая трубку, Кинт начал рассказывать. Подробно, напрягаясь, задумываясь и вспоминая детали... даже голова разболелась.

– Вам придется это все повторить в управлении, – сказал Морес, когда Кинт закончил.

– Понятно... Будете раскручивать очередной клубок?

– Боюсь, что это будет только нить в клубке, которая имеет все шансы внезапно обрываться...

– И когда выезжаем? На чем?

– Пока не могу сказать, в целях вашей и моей безопасности. Но сутки у вас есть, чтобы отдохнуть, привести себя в порядок... эм... кстати, как у вас с деньгами?

– Экспедиция неплохо наполнила мой кошелек, а что?

– Вам стоит купить приличную дорожную сумку, одежду, обувь... По прибытии в столицу я помогу вам снять комнату в тихом месте, проживание будет оплачено на неделю, пока специально созданная следственная группа будет работать с вами, точнее, с вашими показаниями. Но мне в свою очередь не хочется вас, как свидетеля демонстрировать другим, заинтересованным в этом деле людям. Сможете на неделю притвориться, что вы, к примеру, торговец с севера?

– Попробую.

– И за время нашего пути в столицу, вам будет необходимо запомнить еще кое-какие нюансы и тонкости.

– Скажите, Морес... а вот эти все нюансы и тонкости надолго, а?

– Обещаю, что как только определенные следственные мероприятия будут выполнены, я дам вам знать о том, что вы можете отправляться куда хотите, но и вы в свою очередь пообещайте...

– Что?

– Что не будете теряться, Кинт. Вы хорошо подготовленный боец, замечу, за счет терратоса, хорошо соображаете, скажу честно, на вас и покойного Волье я имел виды в плане мобилизации вас обоих на оперативную службу. Повторюсь, сейчас в тайной жандармерии странные события, руководство, скажем так, чудит, простите... нужно переждать, а потом я готов предложить вам службу на благо терратоса.

– Я не уверен насчет этого, капитан, и тоже замечу, что хоть я обучен и воспитан на средства терратоса, но в это же время, терратос, ведя войну, лишил меня всего... дома, детства, родных и близких... но я подумаю.

– Обязательно подумайте, я не тороплю. И, кстати, в столице вам стоит обратиться к врачу, у контузии могут очень неприятные последствия, вид у вас не очень...

– Здесь просто темно.

– Наверху было светло, послушайте меня и пообещайте посетить врача.

– Хорошо, – вздохнул Кинт, – теперь я бы выпил чего-то покрепче пива и пойду спать.

– Конечно, эм... в вашей комнате одна кровать?

– В смысле?

– В том смысле, что до прибытия в столицу, считайте меня вашим личным телохранителем.

– Да уж... аристократ, офицер тайной жандармерии и вдруг телохранитель отставного жандарма, – хмыкнул Кинт.

– В этом деле, в этом месте я могу доверять только себе.

– Зря, там, – Кинт показал на потолок, – есть три человека, которым я могу доверять как себе, и вы им тоже можете доверять.

В ответ Морес как-то странно улыбнулся и встал с бочонка.

– Что ж, идемте тогда, у меня еще есть пара важных дел на эту ночь.

На следующий день, проснувшись почти в обед, Кинт не двигаясь открыл глаза. Морес сидел у окна и, разложив на небольшом столике канцелярские принадлежности и нацепив пенсне на тонкой цепочке, что-то сосредоточенно писал в толстой тетради. Взгляд Кинта Морес почувствовал на себе сразу же.

– Доброе... Добрый день, – сказал Морес, пару раз чиркнул в тетради, закрыл ее и убрал в пузатый кожаный саквояж, снял пенсне и положил в нагрудный карман камзола.

– Уже день?

– Да.

Совершив утренний туалет, Кинт оделся и подошел к окну.

– А где вся эта армия тюремного корпуса?

– Вернулась в Дастен.

– А пленные?
– Они под охраной, будут скрытно доставлены в столицу.
– Обедали?
– Нет.
– Тогда пойдемте.
– Подождите, тут вот этот эм... Маар принес ваши покупки, сказал, что это вы себе одежду покупали.

– А, ну да.
– Покажите.
– Сейчас?
– Да, мне нужно быть уверенным. Если что-то не устроит, то после обеда у нас мало времени и нужно будет приобрести то, что я сочту нужным.

Морес, конечно, забраковал все то, что приобрел Кинт на свой вкус и, пообедав, в компании с Мааром и Моресом Кинт снова отправился за покупками, ощутимо опустошив свой кошелек, хорошо, что еще кое-какие средства отложены в шкатулке на дне ранца.

После обеда Кинт, краснея и смущаясь, стоял посреди рестораника. Морес сидел напротив за столом, а Дукэ, Маар и Ллодэ, усевшись у стойки, перешептывались и улыбались.

– Да что? – не выдержал Кинт, – и расстегнул верхние пуговицы дорого шерстяного камзола.

– Тут у нас недалеко от пристани живет вдова хромого Витара, – с серьезным видом сказал Дукэ, – не пристроишься на юге, приезжай, она недурна и не бедна, а в таком-то виде ты ее покоришь за один ужин!

– Ты серьезно?
– А почему нет? – подхватил Ллодэ.
– Так хватит! Ну что?
– Хорошо, – резюмировал Морес, – теперь хорошо.
– Чего хорошего? А это я куда? – Кинт поднял со стола портупею с двумя пистолетами и потряс ею в воздухе.

– Придется пока довольствоваться кобурой на поясе.
– Кобурой на поясе, – пробубнил Кинт, – ладно, теперь-то это все можно снять?
– Нет, – ответил Маорес, достал хронометр, пару секунд подумал, щелкнув крышкой, убрал хронометр в карман, – думаю, пора выдвигаться к пристани.
– Куда? – не понял Дуке, – бухта льдом скована.
– ... Дирижабль! Дирижабль! – прокричали мальчишки на улице на разные голоса.
– Да ладно! – Кинт подошел к окну и посмотрел в сторону пирса.

Неторопливо, но уверенно и аккуратно капитан воздушного судна мягко опустил гондолу на лед. Погода успокоилась, и все, кто вышел прогуляться после обеда на улицу, сразу устремились к пристаням.

– Нечасто такой «пузырь» к нам приплывает, – Ллодэ тоже подошел к окну полюбопытствовать.

– Прощайтесь, Кинт, у нас мало времени... Маар, отвезете нас к пристаням?
– Конечно, – пожал плечами и как-то грустно ответил Маар.
– Очень надеюсь, сынок, что перед тем как умру, я еще увижу тебя, – Ллодэ положил руку на плечо Кинта.

– Я постараюсь, не разочаровать вас Ллодэ.
– Ну, до встречи, компаньон, – пожал руку Кинта Дукэ, – и береги себя там.
– И вы, вы тут тоже не балуйтесь, – Кинт погрозил пальцем, – я буду писать.
– Ну-ну, – улыбнулся Дукэ и вздохнул, – все, не заставляй себя ждать.

Кинт быстро закончил с упаковкой двух дорожных сумок, накинул пальто, котелок и натянул перчатки из дорогой тонкой кожи... правда, толку от них – один пижонский вид и все.

Пока Морес общался с капитаном, предъявив свой жетон у выброшенной на лед лестницы, Кинт попрощался с Мааром.

– Присмотри за Дукэ и Лдодэ.

– А как же, – как всегда широко улыбнулся Маар, – ты только правда, может, напишешь?

– Постараюсь.

– Ну все, вон уже твой капитан усами шевелит... иди, – Маар хлопнул Кинта по плечу.

– Прощай, – сказал Кинт, схватил с саней сумки и побежал по толстому льду к дирижаблю.

Глава восьмая

– Сюда, за мной, пожалуйста, – капитан вел Мореса и Кинта по просторному коридору.

По обе стороны коридора были двери пассажирских кают, потом поднялись выше по лестнице на другую палубу, где находилась просторная смотровая площадка и уютный ресторанчик за стеклянными стенами, затем в обратную сторону по коридору и поднялись на мостик. С носовой части гондолы, где находился мостик, открывался просто изумительный вид, у Кинта даже дрогнули колени от ощущения высоты. Дирижабль уже поднялся на высоту полета птиц и разворачивался на юг. Справляясь с эмоциями, Кинт следовал за Моресом и косился в большие окна-паутины, за которыми открывалась потрясающая картина – северо-восток терратоса, который с этой высоты можно было разглядеть на тысячи и тысячи шагов вперед. Кишу хотелось бросить тяжелые сумки и прильнуть к окнам, рассмотреть Конинг, побережье и все остальное, насколько хватит взгляда.

– Вот здесь я смогу вас поселить на ближайшие пару дней, потом будет посадка и кое-кто из пассажиров сойдет, – капитан дирижабля толкнул дверь и пригласил войти, – здесь комната отдыха вахтенной смены, есть, где поспать... ну, а поесть это в ресторан, обед уже был, так что ждите ужина.

– Спасибо Агэс, мы разберемся, – ответил Морес и втянул Кинта за рукав в комнатку.

– Располагайтесь, – капитан кивнул и прошел на мостик.

– Морес, как вам это удалось? Это же управление воздухоплавания...

– Пришлось задействовать дружеские связи, а не служебное положение, – ответил Морес, снимая форменное пальто и вешая его на крючок у двери.

– Я впервые в воздухе...

– По вам видно, вы хоть рот прикрывайте, что ли.

– Простите, но ощущения просто детского восторга.

– Понимаю... Но все же держите себя в руках... вы ведь успешный торговец с севера, выдававший виды... хоть и молодой.

– Постараюсь.

– А, кстати, вам ведь скоро двадцать пять...

– Эм... да, через пару недель... да я, знаете, не особо-то и отмечаю эти дни рождения.

– Не с кем?

– И по этой причине в том числе... Вот помню с Дуке, на волчьем промысле, восемнадцать лет отметил в глухой лесной избушке, ну, как отметил, выпил и спать лег.

– Кстати, мне Дукэ рассказал за завтраком о вашем поступке тогда, в лесу... Я и так достаточно высокого мнения о вас, Кинт, но после его рассказа...

– А что, вы бы бросили человека?

– Все зависит от обстоятельств...

– Ерунда!

– Не скажите...

– Пойду я на смотровую, – сказал Кинт сняв пальто, – посмотрю на то, что под ногами.

– Сходите, – кивнул Морес и улыбнулся, – постарайтесь особо ни с кем не разговаривать.

– Угу...

Кинт вышел из комнаты отдыха, прошел по коридору и спустился на палубу ниже, на смотровую площадку. Изнутри гондола была гораздо просторнее, чем казалась снаружи, Кинт посчитал шаги, когда они шли по средней палубе с капитаном – вышло сто двадцать. По обе стороны пассажирской палубы тридцать кают, их Кинт тоже посчитал. Снаружи, по обе стороны смотровой площадки были небольшие выносы с установленными на них пушками, калибр самый малый, но все равно, сугубо гражданским этот дирижабль наверняка не был.

Но внутренняя отделка впечатляла, резное дерево, отполированная до блеска латунная фурнитура, ковровые дорожки и газоразрядные лампы. Очень современное воздушное судно, хотя и на старых дирижаблях Кишу быть не доводилось... С осторожностью Кинт посмотрел вниз, опасаясь вплотную подходить к окну. Холмы, леса, снега... о, вот и несколько упряжек кочевников огибают рошу... совсем маленькие, словно фигурки в лавке игрушек. Кинт осмотрелся, заметив, что в ресторанчике есть пара свободных столиков и как раз у окон, он направился туда.

– Какао, пожалуйста, – сказал Кинт, вальяжно облокотившись на стойку.

– Вам какой сорт? – не глядя на Кинта, спросил юноша в белоснежных фартуке и колпаке.

– Эм... в смысле?

– Островной или материковый? – вздохнул официант, закатив глаза.

– Островной...

– Вы присаживайтесь, – мельком посмотрел на Кинта официант, я сейчас подам... что-то еще?

– Нет, просто какао, – ответил Кинт и уселся за столик в пяти шагах от стойки и рядом с окном.

Пару минут Кинт созерцал проплывающие внизу земли терратоса.

– Ваш какао, господин...

– Кинт.

– Пожалуйста, господин Кинт.

Официант поставил на столик чашечку такого размера, что трубка Кинта, пожалуй, вместила бы больше какао. Кинт проводил официанта таким взглядом, будто одарил его золотым кестом, хмыкнул и отпил немного из чашечки... Но вкусно, вкусно, черт возьми.

– Вы так смотрите вниз, будто боитесь, – приятный женский голос прозвучал со стороны соседнего столика, который еще минуту назад был свободен, – что же вы за такие важные персоны, что наш транспорт так далеко отклонился от маршрута?

– Что вы, – развернулся к девушке Кинт, – я просто напросился в попутчики, а вот мой знакомый да, целый капитан тайной жандармерии... служба, знаете ли...

– Ммм... понятно, а вы что же, сами из Конинга?

– Да, торгую понемногу, но шкуры сезонный товар, поэтому после сборов сырья у промысловиков, есть время посетить в столицу, наладить торговые контакты.

Девушка была красива, старалась держаться важно и бросала короткие взгляды на Кинта. Длинная юбка, корсет с вышивкой, не формирующий, а именно подчеркивающий фигуру, скромное декольте и маленькая шляпка, с неглубокой тульей и узкими полями. Волосы были собраны в пучок на затылке, строгие, но одновременно располагающие к себе черты лица – узкий прямой нос, длинные тонкие брови, длинные ресницы и большие глаза.

– Что вы так смотрите на меня? – спросила девушка, немного покраснев.

– Простите... да, засмотрелся.

– А что, в Конинге девушки редкость? – засмеялась собеседница.

– Напротив, очень много... и очень много вдов. Лес суров и не прощает ошибок.

– Вы что же, сами были в лесу и добывали шкуры?

– Что вы, для меня это слишком большая авантюра...

– А вот ваши шрамы на лице говорят об обратном.

– Нет, – усмехнулся Кинт, – это все юношеская глупость – повозка, которой я неумело управлял, слетела с дороги... вот и все.

– То есть, вы даже не охотник? – немного погрузнев, спросила девушка, явно теряя интерес к собеседнику.

– К сожалению, нет, не охотник, – вздохнул и пожал плечами Кинт.

Допив какой-то напиток розового оттенка из высокого бокала, девушка встала, кивнула Кишу в знак прощания и вышла из ресторана. Расплатившись за какао, Кинт тоже покинул ресторан. Немного погулял по смотровой палубе, глядя на проплывающий внизу пейзаж, и направился на мостик, к Моресу.

Следующие два дня Кинт так и провел, между комнатой отдыха экипажа и ресторанчиком на смотровой палубе, пока на закате второго дня дирижабль не начал снижение.

– Латинг, господа, – предварительно постучав, в комнату отдыха заглянул капитан дирижабля, – на пополнение запасов и осмотр воздушного судна техниками уйдет около часа, если выйдете в город, то попрошу, не опаздывайте. И вот еще, несколько пассажиров сходят в Латинге, так что после уборки, вы можете занять одну из освободившихся кают.

– Спасибо, капитан, – кивнул Морес.

Станция воздухоплавания в Латинге была построена совсем недавно, красивое каменное здание станции, из которого, словно маяк, поднималась вверх швартовочная башня, изготовленная из ферм клепаного металла, внутри башни передвигался вместительный лифт, а вокруг него спускалась вниз широкая лестница. Стоя на смотровой палубе Кинт наблюдал за швартовкой, затем под гондолу были подведены гигантские коромысла с захватами, послышался глухой лязг, потом толчок... «Выключить приводы винтов! Заглушить двигатель» – донеслись команды с мостика, после чего появилась чуть заметная вибрация, но сразу стихла и наступила тишина. Только гомон людей на нижней палубе, готовящихся к выходу. Кинт поднялся в комнату отдыха, где застал Мореса уже собравшимся к выходу в город.

– Подождите, я сейчас...

– Нет, я попрошу вас остаться здесь.

– Но...

– Не спорьте, так будет лучше.

– Ну, хоть до швартовочной башни вас провожу да постою там, на город посмотрю...

– Хорошо, но особо там не мозольте глаза жандармам из таможенного корпуса.

– Да, и ни с кем не разговаривать.

– Верно, – ответил Морес и, взяв саквояж, вышел из комнаты.

Багаж и часть пассажиров поехали вниз на лифте, остальные пассажиры пошли по лестнице. Проводив взглядом Мореса, Кинт облокотился на леер, набил трубку и закурил. В прошлый визит этот город понравился Кишу, и старая – богатая, и новая его части. Чистые улицы с огромным количеством разного рода конторок-представительств гильдий, множество магазинчиков, ресторанчиков, приличных и не очень увеселительных заведений. С высоты порядка шести этажей Кинту открывался очень красивый вид. Станция воздухоплавания располагалась на окраине города и, отведя взгляд от черепичных крыш и флигелей, Кинт посмотрел вниз на самую окраину города, плотно застроенную лачугами бедняков.

– Вот такой контраст, – вслух подумал Кинт, глядя, как какая-то женщина в поношенном и рваном пальто вылила парящие помои на дорогу, под колеса проезжающей мимо моторной повозке.

– Согласна... – недавняя собеседница из ресторана тоже облокотилась на леер.

– Добрый вечер, а вы почему не пошли в город?

– Мне здесь не к кому зайти в гости, а просто так, в одиночестве, прогуливаться в большом городе опасно... – тут девушка заговорщицки прищурилась и спросила, – а может, вы составите компанию?

– Эм...

– Подождите, я сбегаю за сумочкой.

Чуть сдвинув на лоб котелок, Кинт почесал затылок, глядя вослед симпатичной авантюристке и подумав, что, в принципе, и ему не мешает размять ноги.

– Извините, вы запомнили моего попутчика, капитана тайной жандармерии? – Поинтересовался Кинт у дежурного члена экипажа на трапе.

– Да, конечно, господин.

– Если он вернется раньше меня, то предупредите его, чтобы он не волновался, что я вышел в город.

– Хорошо, господин, передам.

– Свободен? – спросил Кинт у скучающего возницы, повозка которого одиноко стояла у станции.

– Да, господин, куда изволите?

– Отвезите нас в центр, – ответил Кинт, придерживая девушку за локоть и помогая ей сесть в повозку.

– Нам пора познакомиться, – чуть наклонилась девушка к Кинту, когда повозка покатила по расчищенной от снега мостовой.

– Кинт Акан, – коснулся рукой поля котелка Кинт.

– Тэна, – гордо кивнула девушка, – Тэна Граан.

– Так значит, вы с восточного берега?

– Да, мой дядюшка владеет рыбной биржей, а я ему помогаю... он обещал отпустить меня в столицу на совершеннолетие, но в прошлом году не удалось, было много работы... и вот теперь он смиловился.

– А в чем состоит ваша помощь дядюшке?

– Помогаю ему с финансами... я окончила курсы экономок.

– А почему только курсы? Мне кажется, не стоит на этом останавливаться и попробовать поступить в университет, пусть не столичный, в Майнге есть замечательный университет.

– Может быть, потом... давайте сменим тему, – немного покраснела девушка, – вы ведь знаете город?

– Немного.

– Давайте посетим хорошую лавку со сладостями.

– К ратуше, – Кинт наклонился и похлопал по плечу возницу, вспомнив пару подходящих магазинчиков недалеко от площади.

Темнело быстро, город начинал зажигать огни окон, витрин и фонарей. В центре было много людей, в этой части города только начиналось веселье. Повозка остановилась на площади, Кинт расплатился с возницей и пассажиры покинули повозку рядом с рестораном, огромные окна которого, светясь, заполняли мягким желтым светом всю улицу.

– Держитесь, скользко, – Кинт предложил Тэне руку.

– Спасибо, – девушка взяла Кинта под локоть, – так куда мы отправимся?

– У нас мало времени, поэтому через дорогу, к той лавке.

Пропустив пару гроыхающих моторных повозок, молодые люди пересекли широкую мостовую и вошли в лавку сладостей, звонко отозвался колокольчик на двери и хозяин лавки расплылся в улыбке.

– Такие приятные молодые люди, добрый вечер, чем кавалер желает угостить свою даму?

– Пусть дама сама выберет, – ответил Кинт и жестом пригласил Тэну к витрине.

Продавец, постоянно улыбаясь, взвешивал на весах леденцы и карамель, старательно ссылая потом все в аккуратные картонные коробочки. Кинт, отойдя к окну, смотрел на улицу, но его взгляд невольно перемещался на отражение Тэны у прилавка. Девушка Кинту несомненно понравилась, но начинать строить отношения с обмана ему не хотелось...

– Молодой человек, – хозяин лавки отвлек от размышлений Кинта, – с вас тридцать кестов.

– Серебра?

– Ну, разумеется, – продолжал улыбаться продавец.

– Пожалуйста, – Кинт выложил на прилавок золотой кест.

– Благодарю, секундочку, – продавец быстро отсчитал двадцать серебряных кестов на сдачу, – буду рад вас видеть в своем магазине.

– Спасибо, – чуть присела Тэна, – до свидания.

– Давайте пройдемся, Кинт, – предложила Тэна, взяв Кинта под локоть и передав ему сверток со сладостями.

– Давайте, только не далеко...

Погода действительно благоприятствовала, шел последний месяц зимы, мороз почти не чувствовался, да и географически Латинг располагался почти в центре терратоса и трескучие северные морозы до этих мест не доходят, а вымораживают такие города как Конинг или Тек. Прогуляться решили до места стоянки повозок у двухэтажного ресторана, со стороны которого доносилась веселая музыка. Проходя мимо арки, Кинт почувствовал как кто-то осторожно дернул его за рукав...

– Пару медяков, господин... – протянув грязную ладошку, чумазый мальчуган в рваной и засаленной одежде, стоял в тени арки, не решаясь выйти на мостовую.

– Вот, возьми, – Кинт бросил несколько серебряных монет в ладошку, а потом надорвал сверток, достал одну коробочку с конфетами и тоже отдал попрошайке.

– Благодарю вас, господин, – мальчишки и след простыл.

Но в тот же момент в арке показались две фигуры, а чьи-то руки с силой втолкнули Кинта и Тэну под арку.

– ... ой... я боюсь, – Тэна пискнула и сжала локоть Кинта.

– Не бойся, цыпочка, мы только вытрясем монеты из твоего кавалера, – прохрипела одна их фигур в темноте...

– А-аь! – тот, кто был сзади широко замахнулся, чтобы ударить, но Кинт почувствовал это раньше.

Отпихнув Тэну к стене, Кинт резко ушел в сторону, а на его место, нанеся удар дубинкой, в пустоту провалился широкоплечий здоровяк. Подставив ногу и чуть толкнув в спину, Кинт помог здоровяку упасть. Больше нападавшие не извлекли ни звука, сверкнули клинки... Но Кинт не хотел испытывать судьбу и подвергать опасности девушку, здоровяк с дубинкой уже поднялся на ноги и сделал уверенный шаг на встречу... Рванув полу пальто так, что пуговицы полетели прочь, Кинт выхватил револьвер...

Бах! – вспышка осветила пространство под аркой, схватившись за живот, здоровяк взревел и повалился на землю... Бах! – Кинт прицельно выстрелил ниже поясницы одному из побежавших прочь налетчиков. Сунув револьвер в кобуру, Кинт подобрал сверток, сгреб в охапку онемевшую от страха Тэну и они выскочили из-под арки. С разных концов площади стали доноситься свистки городских, кто-то кричал... Подняв руку и свистнув, Кинт остановил проезжающую мимо повозку...

– На станцию воздухоплавания, и побыстрее.

– Как скажете, – возница хлестнул вожжами пару лошадей, и повозка, грохоча, понеслась по улице.

Всю дорогу Тэна не проронила ни слова, а сойдя с повозки на станции, почти побежала к швартовочной башне. Кинт не стал суетиться и привлекать к себе внимание, спокойно расплатился с возницей, дошел до башни и стал подниматься по лестнице.

– Поругались? – поинтересовался тот же дежурный у Кинта.

– Да, немного...

– Тут вам записка из управления тайной жандармерии, курьер доставил, – дежурный протянул запечатанный сургучом конверт.

– А мой попутчик?

– Он не появлялся.

– Понятно, спасибо.

Удерживая куль со сладостями подмышкой, Кинт быстро направился в комнату отдыха экипажа, где, усевшись на широкую лавку, вскрыл конверт, почерк Мореса Кинт уже узнавал хорошо...

«Кинт, я не смогу вас сопровождать до столицы, дела службы и обстоятельства вынуждают меня отправиться в Актур на скревере управления прямо сейчас. На обратной стороне записки адрес, хозяйка гостиницы уже предупреждена о вашем приезде. Я найду вас.

Капитан Морес.»

– Позвольте? – дверь приоткрылась и появилась голова вахтенного, – капитан приказал показать вам вашу каюту.

– Да, конечно.

– Я помогу, давайте сумки.

Вахтенный отвел Кинта в двухместную каюту на нижней палубе.

– Ужин через полчаса после взлета... а ваш попутчик?

– Он по делам службы уже отбыл в столицу другим транспортом, не стоит его ждать, доложите об этом капитану.

– Ясно, ну располагайтесь, через два дня и мы будем в столице, – вахтенный поставил сумки в нишу для багажа, и показал на толстый, плетеный шнур, свисающий откуда-то с потолка, – вот это вызов дежурного по палубе.

– Спасибо.

Спустя полчаса, оповестив пригород тремя сильными гудками, дирижабль отчалил и, медленно набирая высоту, взял курс на юг.

Глава девятая

В ресторане во время ужина было значительно меньше пассажиров, чем в предыдущие два дня. Вероятно, прогулявшись по городу, попутчики уже поужинали в одном из множества ресторанчиков Латинга, да и небольшая часть пассажиров сошли с рейса, достигнув конечной точки пути. Заказав жареного мяса с овощами и пива, Кинт отпивал пенистый напиток маленькими глотками и смотрел вниз, на почти растворившиеся в ночи огни большого торгового города. Тэна вошла в ресторан немного в лучшем состоянии, чем она была, когда соскочила с повозки и, подобрав полы пальто, бежала к швартовочной башне. Кинт жестом пригласил ее за свой столик, она молча села, тут же подошел официант...

– Что вам подать?

– Какой-нибудь крепкий алкоголь и закуску... можно овощи.

– Прошу прощения, – но продемонстрируйте, пожалуйста жетон гражданина, – учтиво попросил официант.

Убедившись, что попутчица Кинта достигла совершеннолетия, официант удалился выполнять заказ.

– Что это было, Кинт Акан? – наклонилась к столу и шепотом спросила Тэна.

– Что именно? – Кинт сделал большой глоток пива.

– Там, в городе...

– Разбойное нападение, которое я пресек.

– Вы убили человека! – продолжала шептать Тэна, – причем хладнокровно и не задумываясь! А возможно и двух!

– Мне что, нужно было позволить ему размозжить мне голову? А второму я просто прострелил, простите, задницу.

Тэна замолчала, когда к столику вернулся официант и начал выставлять тарелки и столовые приборы.

– У меня в голове не укладывается, – снова, понизив голос, сказала Тэна, – вы... и эта вся ситуация.

– Скажите, на востоке терратоса что, нет негодяев, желающих лишить кошелька или хуже того, жизни, других людей?

– Есть... но я как-то...

– Не сталкивались?

– Да.

– Думаю, у вас еще все впереди.

– Зачем вы меня пугаете?

– Что вы, я совсем не хотел вас пугать, но этот мир далеко не добрый, как я когда-то давно думал. И теперь, зная, что вы летите в столицу одна и не имея представления о том, что происходит на улицах Актура...

– Откуда вам знать, что происходит на улицах Актура?

– Жил там некоторое время, – Кинт налил в крохотную рюмку крепкой настойки и пододвинул собеседнице, – пейте, станет лучше.

Выпив рюмку залпом Тэна зажмурилась, потом замахала руками себе на лицо.

– Вот, – Кинт наколот вилкой кусочек мяса и протянул Тэне.

– Спасибо... очень крепкая настойка, – прожевав закуску, ответила она.

После еще пары рюмок у Тэны на щеках появился румянец, она немного повеселела и перестала подозрительно и строго смотреть на Кинта. Уже сама, наполнив себе рюмку, она сказала:

– Мне кажется, что вы меня обманули.

– В чем именно?

– А во всем! Мне кажется, что вы... эм... – Тэна снова наклонилась к столу и прошептала, – что вы тоже, какой-нибудь инспектор тайной жандармерии, ну или около того...

– С чего вы взяли?

– То вы мне рассказывали, как, неумело управляя повозкой, получили свои шламы, а там, в арке, я хоть и была напугана до смерти, но все же все видела, особенно то, что ни один мускул у вас на лице не дрогнул, и выстрелили вы всего два раза и оба раза попали... Кинт, вы же не торговец, верно?

– Возможно, но я не готов пока об этом говорить.

– Хорошо, а когда вы будете готовы?

– Думаю, через неделю, не раньше.

– Я буду в столице месяц, и мы сможем там встретиться.

– Где я смогу вас найти?

– Ой... я не помню, но у меня где-то записан адрес компаньона моего дядюшки, который владеет маленькой гостиницей недалеко от порта. Ой, простите... я уже пойду к себе, – Тэна жестом позвала официанта, расплатилась и заметно пошатываясь, вышла из ресторана.

«Ну вот, напилась, глупенькая... я представляю, в какую историю она может влипнуть в столице» – подумал Кинт, тоже рассчитавшись за ужин, допил пиво и направился в свою каюту.

Сняв надоевший камзол, который не давал дышать полной грудью, сел на кровать, обнаружив сверток со сладостями. Кинт дернул за плетеный шнур и спустя минуту постучали.

– Что изволите? – поинтересовался дежурный по палубе.

– Вот, госпожа Тэна Граан забыла это в повозке, когда мы вернулись из города, отнесите, пожалуйста.

– Хорошо, – дежурный взял сверток и удалился.

Тэна Граан не вышла на завтрак, в одиночестве Кинт допил ароматный травяной чай и доел пусть не свежую, но вполне вкусную сдобу и уединился в каюте, где решил провести время за чисткой оружия. Разложив на столике пистолеты и револьверы, разрядил оружие и принялся за привычное и приятное занятие. Ближе к обеду в дверь каюты осторожно постучали.

– Открыто.

– Я прошу прощения, – в дверях показалась Тэна, – вы не составите мне компанию за обедом?

– С удовольствием, но до обеда еще час.

– Тогда до встречи в ресторане через час, – сказала Тэна, мельком бросив взгляд на арсенал, лежащий на столике.

– Договорились.

На обеде, и на следующий день, за завтраком и обедом, Кинт всячески избегал вопросов о себе, и все больше переводил разговор на другие темы, например, интересовался природой востока терратоса, или рассказывал про новые научные или технические новинки, о которых сам узнал из газет. Тэна охотно поддерживала разговор, мило улыбалась и всем своим видом показывала, что хочет продолжить знакомство, даже сообщила адрес гостинцы, где планирует остановиться.

– Через час посадка в Акту ре... Через час посадка в Актуре, – донесся из-за двери голос дежурного по палубе.

Кинт уже собрал вещи и, сидя у окна, смотрел на проплывающий внизу степной корпус охраны дорог, что-то теперь в нем располагается, возможно, какой-то армейский рекрутинговый корпус. Рядом, некогда маленькая деревушка, превратилась в достаточно большой поселок, окруживший недавно построенную железнодорожную станцию. Спустя некоторое время

показалась и школа сирот, крошечные коробочки казарм, отчетливо видно нитки дорожек, всегда посыпанных песком. Снега в степи не было, тут его почти не бывает, а если и выпадет, то тут же растает и расквасит проселочные дороги. А торговый тракт немало удивил Кинта оживленным движением, и грузовые моторные фургоны, и конные повозки тянулись изредка разрывающейся вереницей навстречу друг другу с севера на юг и обратно. Кинт откинулся в кресле, закрыл глаза и предался воспоминаниям, стараясь вызволять из закоулков памяти только приятные моменты, например, мать и дочь в кафе при пекарне и вкуснейшие булочки, политые карамелью, молчаливый старик сосед – отставной военный, который всегда очень приветливо с ним здоровался, артель портовых грузчиков, и мальчишки из бедных пригородов...

Толчок, слабая вибрация, и шум винтов стих. Кинт встал и еще раз посмотрел в окно... Столица сияла огнями, и гул силовой установки дирижабля, сменился гулом и звуками огромного города. Кинт очень хотел увидеть Актур сверху, но, предавшись воспоминаниям, немного задремал. Дождавшись, когда в коридоре стихнет топот ног пассажиров, Кинт отрыл дверь, подхватил сумки, охнул под их тяжестью и тоже направился к выходу.

– Море... – Кинт задержавшись на площадке швартовочной башни, громко втянул ноздрями воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.